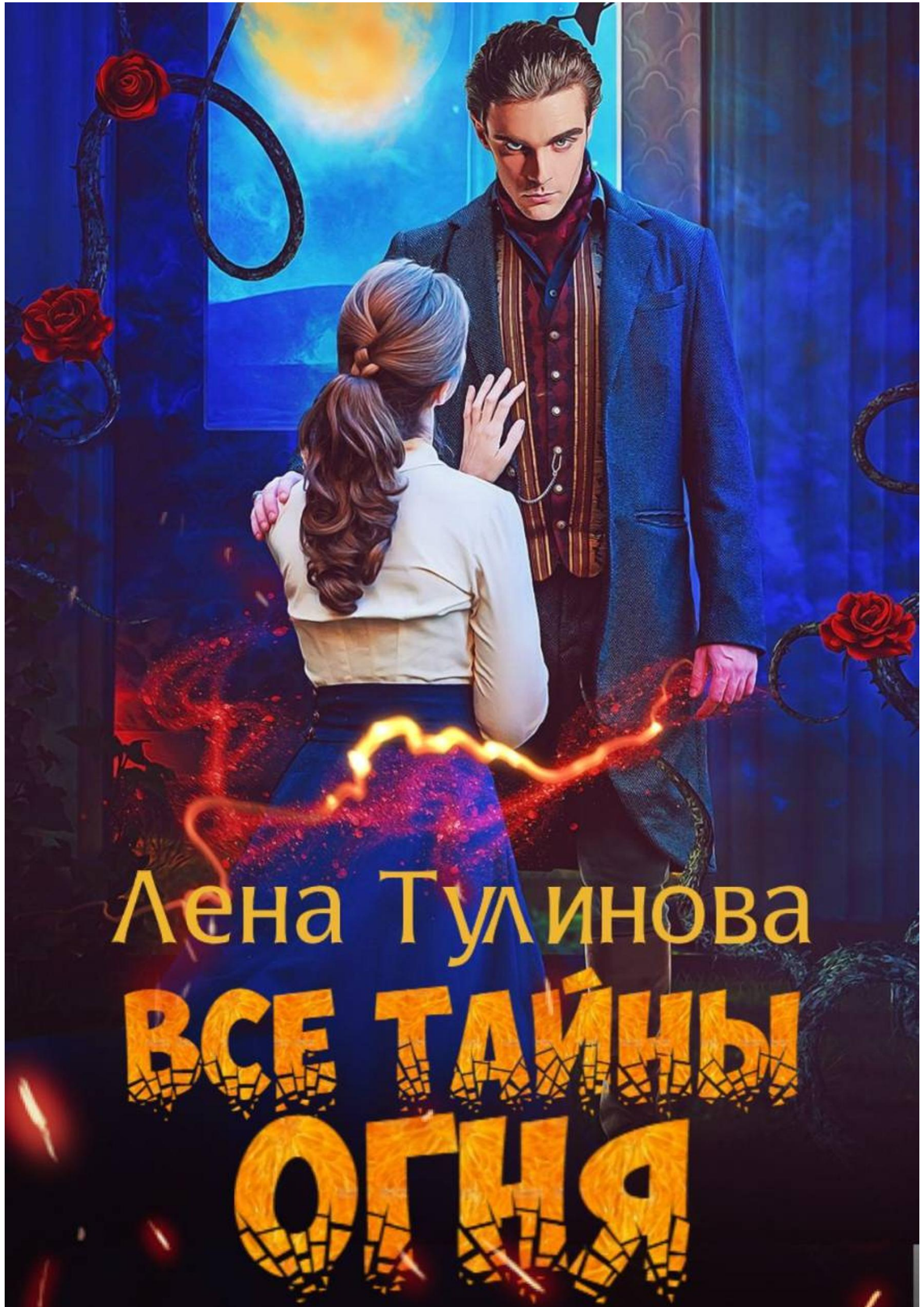

Лена Тулинова

ВСЕ ТАЙНЫ
ОГНЯ

Лена Тулинова

Все тайны огня

«Автор»

2026

Тулинова Л.

Все тайны огня / Л. Тулинова — «Автор», 2026

У Хэтти непростая жизнь, а у её пациента Гленнара Конуэя и того сложнее. Девушка недавно рассталась с мужем, у нее проблемы с родителями. К тому же Хэтти работает в Доме Исцеления утешительницей, а многие считают это зазорным. А Гленнар? Он тяжело болен, проклят и сгорает в огне тёмной магии. Но судьба не зря свела их вместе! И, когда Хэтти получает сомнительное наследство от дяди-некроманта, Гленнар приходит к ней на помощь. Справятся ли они с проклятиями, тёмной магией, злой волей некроманта? Помогут ли им друзья? У судьбы на это свои ответы и свои планы!

© Тулинова Л., 2026

© Автор, 2026

Содержание

ГЛАВА 1.	5
ГЛАВА 2.	8
ГЛАВА 3.	11
ГЛАВА 4.	13
ГЛАВА 5.	16
ГЛАВА 6.	20
ГЛАВА 7.	22
ГЛАВА 8.	24
ГЛАВА 9.	28
ГЛАВА 10.	32
ГЛАВА 11.	34
ГЛАВА 12.	38
ГЛАВА 13.	41
Конец ознакомительного фрагмента.	45

Лена Тулинова

Все тайны огня

ГЛАВА 1.

Хэтти получила дверью в лоб, и это было последней каплей в тот день. Прикладывая к здоровенной шишке носовой платок с завёрнутым в него льдом, она мрачно поклялась, что покинет Дом Исцеления при первом же удобном случае. Поклялась далеко не в первый раз и зная, что снова станет клятвопреступницей.

– Я бы ушла уже сегодня, сил моих нет, но сейчас уже слишком поздно, чтобы тащиться домой из пригорода, – ворчала она.

– Значит, не уйдёшь, – сказал брат-исцелитель Родорт, забирая у Хэтти платок со льдом и взамен прикладывая к больному месту руку. – Ничего, ушиб не такой уж сильный. Сейчас пройдет.

И брат-исцелитель слегка улыбнулся.

– Это всё Нила, – сказала Хэтти. – Выскочила из комнаты пациента, словно тот за нею гнался.

– Привыкай, Хэрриет, здесь такое случается. Хотя, разумеется, Нила не должна была проявлять резкость. От сестёр-утешительниц ждут несколько иных эмоций.

Родорт ещё немного помолчал и добавил:

– Хотя не могу осуждать.

И ни слова о пациенте. Хэтти поняла только по взгляду да полуулыбке: Нила не выдержала контакта. Дом Исцеления видал всякое, и не был нацелен на простых пациентов. Тут исцеляли магически одарённых, часто – попавших в непростую ситуацию, ещё чаще – оказавшихся на грани жизни и смерти. Но всё-таки Конуэя ничто не оправдывало. Это был самый грубый, самый отвратительный, самый нетерпимый ко всем тип во всём Видденгене, а может, и во всем мире.

– А я как-то даже и не подумала о том, чьей именно дверью мне прилетело по лбу, – виновато сказала Хэтти.

Брат-исцелитель убрал руку – в магии больше не было нужды. Хэтти коснулась лба, и не нашла там болезненной шишки.

– Когда прилетает по лбу дверью, меньше всего думаешь о том, чья это дверь, – сказал мудрый Родорт. – Ты можешь спать в своей комнате, тебе никто не помешает.

Хэтти только вздохнула. Здесь у сестёр-утешительниц были небольшие комнатки на первом этаже, но далеко не каждая ночевала в Доме Исцеления. Особенно если до дома было не так далеко. Родители Хэтти жили буквально через квартал! Но вот только бывать у них девушка не любила. В Доме Исцеления про это уже проводали – среди чутких на эмоции сестёр и братьев сложно что-то утаить.

Так что Хэтти осталась ночевать здесь, в который уж раз. Голова, конечно, уже не болела, да и усталость после исцеления прошла сама собой. Пациент Хэтти выписался, вряд ли кто-то ещё потребовал бы её среди ночи... Да, оставаться было совершенно необязательно. Но и домой не тянуло.

Утро началось с Конуэя. Он бродил по этажу сестёр-целительниц и заунывно выкрикивал: — Нила! Нила!

Но никто не отзывался. Это потому, что Нила, скорее всего, ушла вчера домой, доведённая невыносимым пациентом. Хлопнуть дверью было в её духе. Зато на сей раз никому дверью в лоб не досталось!

Главная сестра-утешительница Глория Финн вышла в коридор примерно одновременно с Хэтти. Как всегда, безупречная – настолько, что закрадывались сомнения, а спит ли Глория. Девушки помоложе шутили, что она стоит в шкафу ночью, чтобы не помять своё идеальное одеяние. Да! Обычные люди ходят в одежде, а жрицы в храме, короли с королевами и Главная сестра Глория Финн носят одеяния. И делают это безупречно.

– Что произошло, лээрт Конуэй? – спросила Глория.

Больной рванулся к ней из последних сил. Выглядел он плохо. Одетый только в рубаху до колен, с влажными, свисающими на вспотевший лоб волосами, бледный. Глаза безумные. Когда он пробежал мимо Хэтти, от него повеяло настоящим безумием. Хэтти поёжилась. Не хотелось бы ей быть сестрой-утешительницей такого пациента! Хорошо, что она еще не так давно в Доме Исцеления, и сложного больного никто ей не доверит.

Хорошо, что...

Конуэй вдруг вернулся на пару шагов и посмотрел на Хэтти. Та поплотнее запахла наспех накинутый халат, хотя фланелевая рубашка была почти по-монастырски строгой и скрывала тело от шеи до щиколоток. Безумный взгляд окинул девушку с ног до головы, и Хэтти отшатнулась, встретившись глазами с огненным взором. Да, в светлых глазах Конуэя металось пламя. И боги не сумели бы помочь тому, кого оно опалит.

– Маг огня, – прошептала Хэтти.

Конуэй криво усмехнулся и протянул руку, словно хотел коснуться тёмных растрепанных волос девушки или её щеки. Но не успел: Главная сестра-утешительница уже была рядом.

– Идёмте, Гленнар, – мягко сказала она, беря пациента под локоть. – Вам здесь не стоит находиться, вы перепугаете всех наших девочек. А ведь вам надлежит защищать их от врага, а не создавать для них угрозу.

Конуэй вдруг всхлипнул.

– Враг силен, – сказал он.

«О чем это они? – удивилась Хэтти. – Никаких врагов и близко нет – не слышала, чтобы где-то сейчас бушевала война!»

– Давайте не будем никого посвящать в военные тайны, – уговаривала тем временем Глория. – Я провожу вас и помогу...

– Нила! Она убита? – мучительно выкрикнул пациент, обернувшись от конца коридора.

Хэтти не сдержалась и ахнула, потому что внезапно накотившее отчаяние Конуэя чуть не сбilo её с ног.

– Нет, что вы, лээрт Конуэй, – сказала Глория с лёгким упреком. – Никто не убит, все в порядке.

Он вырвался из рук сестры-утешительницы и вернулся к Хэтти. Девушке бы скрыться у себя в комнате, но она замерла на пороге, и Конуэй схватил её в объятия. Ох, какой же он был сильный!

– Когда они придут за тобой, я всех убью, – доверительно сказал больной, отпуская девушку. – Ты будешь утешать меня?

Хэтти никогда так отчаянно не мотала головой, как сейчас, и это огорчило безумца. Пламя, которое было уже улеглось в его сумасшедших глазах, вспыхнуло вновь.

– Ты тоже не понимаешь! Вы все не понимаете!

Глория снова взяла его под руку уже решительнее и крепче.

– Гленнар, всё хорошо. Вам не придется никого убивать. Пойдемте, брат-исцелитель на вас посмотрит.

– Она не хочет быть моей сестрой-утешительницей, – с горечью, поразившей Хэтти в самое сердце, сказал Конуэй, уходя.

И Хэтти подумала, что он неправ. Она уже почти этого хотела. Боль пациента, его смятение и сумасшествие хотелось исправить. Наверное, впервые за то недолгое время, что Хэтти была сестрой-утешительницей, ей действительно захотелось кого-то утешить.

ГЛАВА 2.

Завтрак в общей столовой прошёл достаточно спокойно. Сёстры-утешительницы и братья-целители обычно мало разговаривали друг с другом, и тому было множество причин. Во-первых, всем надо было настроиться каждому на своих пациентов. У многих опытных сестёр было по несколько больных сразу. Во-вторых, беседовать о больных с другими запрещалось, а о них поговорить хотелось больше всего. Ну и в-третьих, утешительницы уставали от общения в стенах Дома Исцеления.

Но уж если хотели поболтать – не оттащишь. И, когда к Хэтти подседа приятельница, Элиза, девушка только вздохнула: сейчас начнётся болтовня. Но сегодня подруга не торопилась делиться впечатлениями и сплетнями, а только попросила посидеть рядом с Хэтти. У Элизы было узкое личико, по-птичьи быстрые и тёмные глаза – воробушек, да и только! Или сорока.

– Мне нездоровится, – сказала она на вопрос старшей подруги. – Знобит и живот прихватывает. Я уже сделала, что могла – не помогает.

– Ну, если уж у тебя не получилось, – развела руками Хэтти. – Ты же столько знаешь! Ну а почему ты не обратишься к брату Орнальду или к брату Маю?

Элиза как-то сжалась, ссутулилась и горестно вздохнула.

– Мне страшно, – сказала она. – Можно, я расскажу тебе, когда мы выйдем за пределы Дома? Это относится к...

И девушка указала на стол, за которым сидели пациенты. Не на кого-то конкретного, лишь в ту сторону кивнула, но Хэтти поняла. В последнее время Элиза была занята лишь с одним больным – красивым и молодым магом, оставшимся без магии и оттого впадшим в депрессию. Парень вряд ли был сильно старше своей утешительницы.

– Нельзя обсуждать пациентов, – вздохнула Хэтти.

Любопытство принялось точить изнутри – ещё не сильно, но уже ощутимо.

– Можно обсуждать свои личные дела, – возразила Элиза так серьёзно, что у Хэтти дрогнуло сердце. – Мы не будем называть имён и ты не будешь спрашивать. А я буду намекать – не говорить прямо. Надеюсь, всё будет понятно.

И у девушки вдруг задрожали губы и заблестели глаза.

Хэтти поспешно доела молочный суп с голубикой и рисом, кусочек хлеба с маслом и сыр. Выпила какао, не чувствуя вкуса. И, тайком оглядевшись – не попросит ли кто остаться, не назначит ли главная сестра какого-нибудь пациента раньше времени – взяла Элизу под локоток.

– Мы можем прогуляться с часок, пока не начнут распределять новые дела, – сказала она так, чтобы наверняка слышали другие. – Дальше парка не пойдем, холодновато сегодня, наверное.

Элиза могла бы поддержать, но промолчала. Кажется, она с трудом сдерживала слезы.

У Хэтти подруги были только до переезда в Альгрей к дальней родне отца, да и те после окончания школы стали постепенно отдаляться. Когда Хэтти вышла замуж, Торн постепенно отвалил от их дома всех друзей и знакомых, причем своих тоже. «Нам никто не нужен», – убеждал он. Особенно когда Хэтти заговорила о ребенке.

Хотя друзей в Альгрее Хэтти было не так уж много. Между школой и замужеством она успела завести разве что парочку подружек и два-три приятеля. С парнями ей всегда было сложновато найти общий язык.

А уж после Торна не хотелось даже поворачивать голову в сторону других мужчин – и вовсе не потому, что Торн был так хорош. Просто расставание далось болезненно им обоим.

Зато за каких-то три с небольшим месяца в Доме Исцеления Хэтти вдруг поняла, что дорожит приятельскими отношениями – с Элизой, Агнесс, Пэтси, Родортом и другими сестрами и братьями. С Родортом, пожалуй, больше всего. Но и маленькая темноглазая Элиза тоже

была чем-то дорога Хэтти. С нею было можно обсуждать даже самое интимное, Элиза всегда знала, какой недуг чем лечится – ей бы в исцелительницы идти, да только...

Целители тут все были мужчины. А утешали лишь женщины. Так повелось!

В парке было хорошо, осень щедро раскрашивала все кругом, и тем удивительней казалось, что тёмно-красные розы живой изгороди до сих пор не отцвели. Крупные пышные цветки гармонировали с зеленью, которая едва начала где-то багроветь, а где-то желтеть.

– Люблю розы, – сказала Хэтти.

– Розы – это слишком популярно, – отозвалась Элиза рассеянно. – Мне нравятся лилии. Особенно тёмные, но и белые тоже хороши...

– Помню, бабушка делала лукум с розовыми лепестками. Она у меня южанка, – с лёгкой улыбкой, вызванной воспоминаниями, проговорила Хэтти. – А потом, как мы сюда приехали, уже никакого варенья из абрикосов, никакого лукума с розами... Да и бабушки-то уже нет.

Элиза шмыгнула носом и взяла подругу под руку.

– Я тебе сочувствую.

– Ты обещала мне рассказать что-то. Я, между прочим, заинтересовалась твоими недоговорками и намеками, – напомнила Хэтти, когда они оставили Дом Исцеления далеко за деревьями, беседками и сараями.

Тут парк уже переходил в почти настоящий лес. Он тянулся вдоль всего Альгрея, и только дорожки со скамейками и фонарями напоминали, что это всё ещё парк. Иногда газеты писали о храбрых грибниках, которые уходили с тропы и терялись на склонах лесистого холма. Что странно: ниже ведь была железная дорога, её очень хорошо слышали все обитатели Дома Исцеления!

– Но ни слова о пациенте, – предупредила Элиза.

– Ни словечка, – согласилась Хэтти.

– Я беременна, – брякнула подруга.

Хэтти, подобрав юбки, села на пень. Элиза осталась стоять, зябко сутуля худые плечи.

– Я не приняла вовремя противозачаточное средство. Думала, он любит меня... Но нет. Завтра он уезжает... к своей невесте.

Сказала и заплакала.

Это было так обычно и буднично. Дом Исцелений полнился похожими историями. Мало того, каждую неделю Главная сестра Глория Финн говорила с девушками о том, что утешать пациента можно абсолютно всеми доступными им способами, если только сами сестры не против. Отношения между больными и девушками порицались лишь на словах. Любовная практика считалась хорошей встряской для выгоревших, обессиленных, уставших от жизни, раненых магов. Многие из них потерпели поражение от более сильных на соревнованиях или в поединках чести. Кое-кто получил физические увечья и не справился с выгоранием на полицейской службе или в регулярной армии. Были маги-работяги с тяжелой работой – спасатели, которые выезжали в шахты на обвалы, на заводские аварии и прочие ужасные происшествия. А после помощь требовалась уже спасателям!

Сестры-утешительницы могли утешить любым способом, а мужчины-маги о некоторых способах вспоминали ой как нередко. Молодой пациент Элизы прибыл покалеченным на стройке, где работал подъёмником – многие брали на такую работу сильных магов-стихийников, это было дешевле машин. Здоровенная плита размозжила парню ногу и, как ни старались братья-исцелители, спасти её не удалось. Кроме того, пациент лишился магического дара. Элиза сделала всё возможное, чтобы вытащить его из депрессии... и вот результат. Выбраться-то он выбрался. За счёт краткого и яркого, наверняка полного эмоций романа. Однако теперь Элиза была ему не нужна.

– Но старшие сёстры всегда напоминают, чтобы мы предохранялись! Сама сестра Финн всегда сама раздаёт противозачаточные порошки, и следит, чтобы в аптечке Дома они не переводились! – сказала Хэтти. – И ведь... Элиза, ведь ещё не поздно? Ты еще можешь...

Элиза перестала плакать и сердито, даже зло сказала:

– Конечно, не могу! Ребенок ни в чём не виноват! Да и...

Она едва не назвала имя пациента. Буквально запихала его себе обратно в глотку и, переждав пару секунд, продолжила:

– Виновата лишь я. Он не хотел, чтобы дома знали. Я сама написала его родне. И его невеста стала ему писать. Она... Он уедет к ней, а я...

Хэтти вздохнула. Она не знала, чем помочь Элизе и как её утешить. На таких, как сестры-утешительницы, обычно не женятся. Вот почему тут ценятся разведенные женщины или молодые вдовы.

– Надо сказать главной сестре, – сказала Хэтти. – Она что-нибудь придумает.

– Нет, не надо! Пока... Пока не говори, не говори никому, – запротестовала Элиза. – Страшно!

Хэтти понимала, что страшно. И про себя решила, что подождёт пару дней, понаблюдает, как всё складывается, а потом все-таки посоветуется с кем-то из старших. Конечно, узнав об этом, приятельница может возненавидеть Хэтти. Никому не хочется быть доносчиком и предателем! Но как быть, если девушка останется без работы и с ребенком на руках? А ведь её могут выгнать за нарушения.

Да, надо будет сказать – но не сейчас. Чуть позже. За пару дней ничего не случится. Так уговаривала себя Хэтти, ещё не зная, что ждёт впереди.

ГЛАВА 3.

Хэтти не думала, что снова столкнётся с Гленнаром Конуэем так скоро – всего-то через пару дней. На сей раз он в полном одиночестве шёл по коридору хирургического отделения, куда её вызвали помочь в послеоперационном блоке. Молодая женщина-маг не справилась с управлением магической повозкой, разбилась сама и погубила двоих пассажиров. Самоходные полумеханические, полумагические повозки редко выходили из строя, но если такое и случилось, опытный маг вполне мог управиться с механизмом. Но этой женщине не повезло: что-то пошло не так, она не справилась. Теперь магичка вышла из бессознательного состояния и мучилась от осознания, что её промах стоил двух человеческих жизней.

И вот, когда Хэтти шла к пациентке, её перехватил Конуэй.

– Почему вы один? – напустив на себя мягкую строгость, спросила девушка. – Вас про- водить в вашу палату?

Пациент огляделся, словно не понимая, как сюда попал. И пожал плечами.

– Я не знаю, – сказал он. – Я искал тебя. Ты будешь моей сестрой-утешительницей?

Хэтти пожала плечами.

– Простите, лээрт Конуэй. Я сейчас занята. Вы сможете найти вашу палату или позвать кого-нибудь?

– Ты собираешься послушаться приказа? – спросил пациент резко.

Теперь он выглядел оскорбленным, а не растерянным. Зато растерялась Хэтти. От Конуэя веяло не самыми приятными эмоциями, но они были так перемешаны, что определить их так вот сразу девушка не могла. И что же ей в таком случае делать?

Тут, к счастью, из послеоперационной палаты выглянул брат Родорт.

– Хэрриет! – окликнул он. – Я один не справляюсь, прошу помощи!

И махнул рукой Конуэю, как будто ничуть не удивился.

– Лээрт Конуэй, солнечных вам дней! Хотите подождать вашу сестру-утешительницу в приемном покое?

Хэтти обомлела.

– Меня?

– Почему тебя? У него своя сестра-утешительница, недавно назначили, – удивился Родорт. – Главная сестра Глория как раз её повела к лээрту Конуэю. Но я так понимаю, его там нет.

Брат-исцелитель улыбнулся, излучая тепло и доброту. Конуэй его не пугал – в отличие от Хэтти, у которой просто мороз по коже шёл от одного только безумного взгляда пациента. Но сейчас Конуэй хотя бы не был так страшно возбуждён и ничего не говорил о врагах.

Пациент пожал плечами и согласился подождать свою сестру-утешительницу. Родорт позвал помощницу, чтобы проводила его, а Хэтти отправилась к больной. Та была погружена в бессознательное состояние, на осунувшемся лице виднелись следы слёз. Плохо: даже в магическом сне женщина страдала. Хэтти знала, чем помочь – но боялась, что этого может быть недостаточно. Заглушить чувство вины и муки совести – совсем не то, что избавить от них.

Взяв несчастную за руку, Хэтти попыталась сосредоточиться, но не тут-то было. Не тот у неё был сейчас настрой! Она прикрыла глаза, однако стало ещё хуже: запомнившийся взгляд Конуэя проникал прямо в сердце. Безумный, потерянный в своих видениях, странным образом увидевший спасение в Хэтти, Конуэй будто молил о помощи этим взглядом!

– Хэрриет, надо помочь сначала ей, а потом уже другим, – мягко сказал брат Родорт, садясь рядом и глядя девушку по плечу. – Пока тебе не назначили личного пациента, ты помогаешь всем – так уж у нас заведено.

– Я понимаю, но... Брат Родорт! Позвольте мне просить у сестры Глории этого пациента. Лээрта Конуэя.

Хэтти сама не знала, зачем попросила об этом. Ведь Конуэй так её пугал!

– Сначала закончим начатое, – сказал брат-исцелитель, и Хэтти покорила.

От его невысказанного участия, от понимания и сочувствия девушке стало всё-таки легче. Она смогла, наконец, сосредоточиться на несчастной пациентке, обратиться к её измученному сердцу при помощи магического посыла – а затем, когда та вышла из беспамятства, и поговорить с нею.

– Она откликнулась, – с облегчением сказал брат Родорт. – Спасибо тебе, Хэрриет! Теперь ты можешь отдохнуть.

Хэтти спросила, может ли она идти – не у исцелителя, а у женщины, имени которой так и не узнала. Та лишь слабо улыбнулась, пожимая сестре-утешительнице руку.

– Да, благодарю, сестра, – прошелестела пациентка еле слышно. – Мне всё ещё трудно жить, но теперь я уже не хочу умереть.

У Хэтти в горле тут же встал ком. Она не смогла ответить, только покивала – и поскорее вышла. Родорт, кажется, сказал что-то за её спиной, Хэтти не расслышала, но женщина тихо засмеялась. Смех – это хорошо, если он не исполнен горечи. Её утешительница как раз не ощутила, только облегчение и даже тихую радость.

Хэтти прислонилась к стене спиной и постояла так пару минут, приходя в себя. После магического вмешательства, после вторжения в чужую душу и в чужие чувства ей хотелось и плакать, и смеяться одновременно. И ещё хотелось собраться, наконец, с духом и заявить лээрте Глории, что она хочет взять на себя ответственность за утешение Конуэя. Но, как оказалось, было уже поздно: в больничных покоях девушка увидела, как этого пациента ведёт под руку не слишком молодая, чуть полноватая, но всё ещё красивая сестра Малин. Ах да, Родорт ведь сказал: ему уже нашли сестру-утешительницу. Опытную, зрелую – возможно, именно такую, как ему надо. Что ж, Хэтти была готова с этим примириться, по крайней мере, так она себе сказала. Может быть, лишь чуточку приврав себе.

Ей всё казалось, что с Конуэем не будет просто, что постель не поможет – а у Малин это был излюбленный метод. Хэтти считала, что с этим человеком надо быть предельно терпеливой и отзывчивой, создать эмпатический контакт, настроить его на себя и вытягивать из тьмы безумия. Долго, медленно – потому что, если дёргать Конуэя, как репку из грядки, он точно полыхнёт. Магия огня, стихийная магия, требовала очень много сил и эмоций. Как можно было такому человеку определить сестру Малин, простую и приземленную? Но так решила Главная сестра. Скорее всего, хотела, чтобы Конуэй хотя бы на время погасил свой огонь самым несложным, но одним из наиболее приятных способом...

На сегодня у Хэтти особых дел уже не было, и она отпросилась у сестры Глории прогуляться по городу. Та согласилась. Когда большой нужды в лишних руках не было, сестрам разрешалось гулять вне стен Дома Исцеления.

Вот и сейчас отпустила. Правда, заодно надавала кучу поручений, которые обычно выполняли помощницы – девушки на испытательном сроке. Зайти на почту – отнести посылки от сестер к пациентам и получить письма. Купить в чайной лавочке «тот самый чай, ты знаешь», забрать из аптеки заказанные Глорией травы (в основном для противозачаточного зелья). Все эти дела не заняли бы слишком много времени и, признаться, сделали бы прогулку не бесцельным блужданием по городу, а вполне осмысленной вылазкой, и Хэтти с радостью согласилась.

Но когда она выходила из аптеки с остро пахнущими свёртками трав в корзинке, то столкнулась лицом к лицу с непредвиденной проблемой.

Проблема, сверх меры надушенная и нарумяненная, отпрянула о Хэтти и прошипела:

– Шлюха!

ГЛАВА 4.

– Здравствуйте, лээрта Линфойд, – сказала как можно спокойнее Хэтти... и едва успела вернуться от пощёчины.

– Как ты смеешь появляться там, где бывают приличные дамы? – вполголоса, но весьма яростно сказала бывшая свекровь.

В семнадцать лет она родила своего сына, Торна Линфойда, без мужа, и до сих пор никому не обмолвилась, кто же отец. Но ни единая душа в городе ни разу не обвинила Марнию Линфойд в том, что та небезупречна. Никто не был с нею зол и жесток, не преследовал и не делал изгоем... Кроме её собственных родителей. О да, это была приличная семья – и они выгнали беременную дочь, которая потом нашла работу и приют в прачечной. И, пока сын рос, сумела прибрать к рукам хозяина и его дело, открыла ещё две прачечных в городе, схоронила мужа, умершего от воспаления легких и стала не только примерной вдовушкой, но и «приличной дамой». Куда уж до неё Хэтти! Хэтти, вышедшей замуж за её сына и не нашедшей с ним и свекровью ничего похожего на счастливую семейную жизнь.

– Извините, лээрта Линфойд, но я появляюсь там, где все, – пытаюсь сохранить благоразумие и не наорать на бывшую свекровь, сказала Хэтти. – И у меня честная работа в Доме Исцеления для магов.

У неё дрожали губы и подбородок трясся, как в ознобе – и, когда Марния замахнулась ещё раз, Хэтти не стала уворачиваться, а перехватила руку в алой кружевной перчатке.

Вот кто бы что ни говорил, а такие перчатки приличные дамы точно не носят! Марния всегда наряжалась чуточку сверх приличий: вырезы на ярких платьях всегда на дюйм ниже, чем полагалось, рукава на пару дюймов короче, платье не до щиколоток, а немного выше, словно желала показать, насколько она не боится косых взглядов. Сейчас, когда госпоже Линфойд стукнуло уже сорок семь, старалась молодиться. Красила ресницы и губы, пудрила круглое лицо и вздёрнутый нос, завивала волосы в мелкие кудряшки и носила кокетливые шляпки размером с детский чепчик. И у неё почти получалось – только лучше было бы не изображать при этом даму полусвета, а одеваться слегка попроще.

Хэтти с её серым юбочным костюмом, отделанным чёрной сутажной вышивкой, точно бы могла её поучить такому искусству. Но сейчас ей было не до уроков вкуса! Сейчас ей хотелось уже пояснить этой женщине, что её власть над невесткой закончилась.

– Мы уже полгода как расстались с вашим сыном, лээрта Линфойд. Придержите ваши попреки для лээрты Тины, – сказала Хэтти. – Думаю, вам недолго ждать свадьбы. А теперь, прошу, дайте мне пройти!

– Ты носишь мою фамилию, – заявила Марния, – и значит, я имею право высказать тебе всё.

– Осталось ещё что-то, что вы не бросили мне в лицо? – вскричала Хэтти. – Идите высказывайте своему сыну!

Её словно с ног до головы обдало кипятком ненависти, идущей от бывшей свекрови. Люди, не понимающие сути работы утешителем, понятия не имеют и о том, как сдерживать эмоции, чтобы не окатить ими других. А Хэрриет была чувствительна к эмоциям с подросткового возраста, когда в ней проснулась магия. Её мать была, очевидно, слабым магом-эмпатом, и всю жизнь старалась почему-то скрывать свой дар, что сделало её подавленной и неуверенной. Хэтти же добивалась власти над собственными эмоциями.

Но уж если срывалась – то всерьёз!

Лээрта Линфойд отступила на шаг, но Хэтти моментально сократила расстояние.

– Уж если вы такая приличная дама, как говорите, – прошипела она, – то хватит преследовать и оскорблять меня!

– Я не думала преследовать, – пытаюсь хоть как-то сохранить достоинство, пробормотала Марния. – Я случайно с тобой столкнулась! Но если хочешь, оставляю тебя в покое, только с одним условием: верни себе девичью фамилию.

Это было ловушкой, и они обе о том знали. Фамилию Хэтти могла вернуть, лишь отказавшись от имущества, нажитого в браке. Таков был закон Видденгена, что тут поделаешь. Имущество было невелико, однако среди него были ценные книги по магии, кое-какие украшения и часть дома на Светлой улице, где девушка уже давным-давно не появлялась. Хэтти так за эти полгода устала и от Марнии, и от её сына, что в запале выкрикнула:

– Да с радостью! Но попрошу вас и Торна как можно скорее заявиться в юридическую контору. Я потребую от вас договор, чтобы вы больше и близко ко мне не подходили!

Она не была уверена, что такой договор возможно составить, но зато была готова за него заплатить.

После этой перепалки Хэтти почувствовала себя совсем плохо. У неё дрожали колени, а во рту поселился неприятный вкус, как будто медный.

И она непременно бы разревелась прямо на улице, если бы из аптеки не высунулся молодой помощник аптекаря и не спросил:

– Лээрта Гадюка ушла? Идите сюда, лээрта Линфойд, у меня для вас есть кое-что... за счёт заведения.

Хэтти с изумлением уставилась на молодого человека. Она даже не знала его имени.

– У нас тут никто её не любит, – сказал помощник аптекаря. – Перенюхает все склянки, заставит открыть даже то, что нельзя открывать, потом расчихается и ничего так и не купит. Или возьмёт две мятные пастилки со скидкой – а перероет всё, беспорядок после себя оставит, как...

Он не сумел найти нужного эпитета, замялся, а потом снова позвал:

– Идемте, лээрта Линфойд. Я приготовлю вам хороший чай и капну туда наливки на черноплодной рябине. Очень вкусно – семейный рецепт.

Хэтти едва успела сделать два шага до аптеки, как на неё повеяло добрым теплом. Юноша не заискивал и не пытался казаться любезным – он действительно желал Хэтти только хорошего. И она согласилась выпить чашечку чая. В аптеке ещё оказалась добродушная старушка, которой тоже налили чай – они все втроем устроились за столиком в углу, где обычно стояли образцы некоторых снадобий и лежали рекламные проспекты от фармацевтических обществ. От участия, доброжелательности и сопереживания, от вкуса чая с наливкой у Хэтти прошла противная дрожь и заметно потеплело в груди.

– Вы простите, что не вмешался, – виновато сказал помощник аптекаря, – не имею на такое полномочий.

– Правильно, что не вмешался. Эта змеища тебя бы со свету потом сжила, – сказала старушка. – А вы поаккуратнее с нею, сестра. Таким, как мы, надо беречь эмоции и уметь защищаться.

– Таким... как мы? – удивилась Хэтти.

От бабули совсем не веяло магией. Вероятно, у неё давным-давно иссохли силы. Во всяком случае так подумала молодая утешительница, глядя на сухонькое чистое лицо и морщинки вокруг глаз.

– Ну а то! Такими, как мы, да! Я, когда молодая была, тоже в Доме работала. Хорошее место! А кто нас шлюхами зовёт – тот ничего не понимает, – кивнула старушка. – Научись ставить заслон. Как стекло толстое, в ладонь толщиной, – тут пожилая дама показала свою сухонькую крошечную руку. – Представь, что все плохие эмоции от него отлетают. Как пчёлы. Некоторые сёстры раньше умели делать так, чтоб эти пчёлы жалили недобрых людей! Но тебе я такого не посоветую, нет. Это для сестер плохо. Так что прими совет, сестра: стекло. Толстое, какое только можешь представить. Оно и магию твою спрячет: тоже полезно. Когда кто-

то знает, что ты маг – это может стать опасным. Особенно для целителей: мы ведь не умеем драться.

Хэтти кивнула. Вот оно что, старушка умеет скрывать силу. Это здорово, только враз такому вряд ли научишься. «Зато, – с затаенной гордостью подумала девушка, – я все-таки немного умею драться!»

– Спасибо, – сказала она аптекарю и добродушной старушке. – Мне и правда стало гораздо лучше.

– То-то же, – улыбнулась бабуля и погладила Хэтти по руке. – Сестра сестре завсегда поможет!

ГЛАВА 5.

На почте было тихо, почти безлюдно. И никакими эмоциями даже не пахло! Точнее, почти никакими: кроме умиротворения. Хэтти вздохнула с облегчением. Спокойная и уравновешенная дама-почтмейстер за стойкой со стеклом посмотрела на сестру-утешительницу без улыбки, но и без осуждения. Она тоже была из тех, кто понимал суть работы утешительниц, всё это копание в чужих эмоциях и бесконечную отдачу своих. Когда девушка уже расписывалась в бланке за оплату почтовых отправок, женщина вдруг взглянула на подпись и уточнила:

– Вы же Хэрриет Рэдферн? Дочь Валдроя Рэдферна?

– Всё верно, – ответила Хэтти чуть настороженно.

У неё ещё не улеглись эмоции после стычки с Марнией, на душе было паршиво, а тут ещё такое жирное упоминание о собственной семье! А с ними дело обстояло не проще, чем с Линфойдами.

– Ваш отец – он как, здоров?

– Два месяца назад был вполне здоров, – осторожно ответила девушка.

Именно столько времени назад она видела отца – и он произвёл на неё не лучшее впечатление, тем более что встреча происходила в его доме, где желанным гостем оказалась вовсе не Хэтти, а её бывший муж Торн.

Дама за конторкой удивилась, приподняла брови, но дочернюю непочтительность никак не прокомментировала. Только слегка качнула головой и сказала:

– Вы б ему сообщили, что ли, что его тут ждёт заказное письмо, за которое необходимо расписаться. Уже почти месяц! Извещения шлём каждую неделю, а ответа нет. Может быть, распишетесь за него и отнесёте сами?

– Спасибо за доверие, но я с ним не общаюсь по личным причинам, – как можно твёрже ответила Хэтти. – Могу заплатить, чтобы почтальон принёс его...

– Да он уже относил, относил, – махнула рукой почтовая дама. – В том-то и дело, что ваш папенька отчего-то не открывает почтальону. Умерли там все, что ли?

– Нет, если б мои родители умерли – уверена, что я бы об этом знала. Уж нашлись бы люди, которые сказали бы мне, – нахмурилась Хэтти.

Почтовая дама опустила очки на нос и сделала умоляющие глаза.

– Прошу вас, лээрта Рэдферн...

У Хэтти едва не слетело с языка поправка: «Линфойд». Ох, боги-боги, ложные и истинные, как же ей не хотелось быть носительницей обеих этих фамилий!

– Я не нарушу никаких правил? – спросила она, почти сдаваясь. – Всё-таки я не Валдрой Рэдферн.

– Конечно, вы не он! Но ведь папенька-то ваш уже точно все правила нарушил, не забирая письмо, – заторопилась дама. – Вы только подумайте, заказное, из самой столицы, из Мари-лонда, вдруг там что важное?! Так что вы просто уж поставьте вот тут подпись, только не перепутайте, не Линфойд, а Рэдферн, и забирайте! Иначе придётся обратно отправлять, а это, шутка ли сказать, переправлять через столицу на остров Грэди.

Тут Хэтти почувствовала и страх, и усталость. Как будто этой даме предстояло самой тащить письмо обратно, причем пешком и вплавь!

Как тут не поддаться и не забрать заказное?

И вот, получившая корреспонденцию для Глории Финн, расписавшаяся за чужое письмо, с полной корзинкой снадобий из аптеки, несколько раздражённая неожиданной миссией, Хэрриет Линфойд оказалась у двери отчего дома, куда пообещала заглядывать так редко, как только сможет. В идеале – никогда. Но кто и когда достигал идеала?

Дом Рэдфернов был старый и постепенно ветшающий. Когда-то он строился как дача, но потом у отца в Марилонде отчего-то стали хуже идти его дела. Он заявил, что разорён, и уехал с семьей в Альгрей. И отныне не просто на лето, а на оставшуюся жизнь. Раньше Хэтти радовалась, что они на два-три месяца переезжают сюда, в более северный город, чтобы переждать иссушающую жару, которая царила в Марилонде или у бабушки в Сильгрее. Приехав в Альгрей, они ещё время от времени ездили навещать бабушку... Но вот уже лет десять, как поездки прекратились. Хэтти скучала по узким улочкам Сильгрея, нагретым солнцем, по морским пляжам, где берега покрыты крупной плоской галькой – белой и округлой, похожей на пирожки. А что было здесь? Чувство ненужности и одиночества. Сбежать от него замуж не помогло. Зато в Доме Исцеления девушка была на месте. Там от неё была польза, там в её участии и утешении нуждались люди.

Мама оказалась дома, хотя и отворила не сразу. Вид у неё был усталый и бледный. Достаточно бледный для того, чтобы у Хэтти изнутри тут же растеклось по душе липкое, как пятно от сладкого чая, чувство вины. Ну вот как она могла так равнодушно отнестись к родителям, так спокойно говорить почтовой даме, что не хочет с ними общаться! Конечно, обида была немаленькая, но ради родителей как-то иногда можно и поступиться собственными чувствами! Мысленно ругая себя, Хэтти уже почти решила, что отныне будет навещать отчий дом раз в две недели. Или чаще, если родители нездоровы. Но ничего такого произнести не успела, потому что мама потянулась к дочери и сказала:

– Ну наконец-то! Одумалась? Торн, Валдрой, посмотрите-ка, кто пришёл!

Торн... Куда уж без него?

Пока отец и бывший муж не вышли, Хэтти, не отходя на всякий случай далеко от порога, коснулась щекой прохладной щеки матери и спросила:

– Привет, мам. У тебя всё хорошо? Очень бледная.

– Ах, это всё после вчерашнего. Признаться, мы слишком допоздна засиделись – всё беседовали. О тебе в том числе, Хэрриет!

Тут подошёл и отец. Торн, по счастью, не счёл нужным показываться Хэтти на глаза – видимо, сразу догадался, кто навестил его бывших тестя и тещу. Хэтти не стала привередничать – не вышел и не вышел, она вообще не понимала, зачем бывший муж ошивается у её родителей. Протянула письмо отцу и выпалила:

– На почте очень недовольны, что ты не впускаешь почтальона, а, между прочим, тебе письмо!

Валдрой Рэдферн изобразил удивление. Его тяжелое, с глубокими складками около губ лицо пришло в движение. На лбу обозначились морщины: две вертикальные и три горизонтальные. Приподнялись густые брови. Чуть сморщился нос, отчего стало казаться, что мужчина вот-вот чихнёт. И, наконец, чуть оскалились желтые крупные зубы. Теперь Валдрой походил на старого бобра – или, может быть, на ондатру.

Соседи его любили, да и лээрте Линфойд он с самого первого знакомства пришелся по душе. На людях Валдрой обожал балагурить и изображать эдакого рубаху-парня и всеобщего друга. Вот только Хэтти точно знала: это всего лишь личина. Личина для домашнего тирана, который терпеть не может неповиновения со стороны домашних.

Сейчас держать маску добродушного балагура было не для кого, и, взяв письмо, отец лишь сделал пренебрежительный жест в сторону Хэтти. Девушка с удивлением уловила плохо замаскированный равнодушием страх. Что-то было в том письме, запоздало догадалась она. Что-то неприятное, может быть, совсем нежелательное. Он не хотел его получать. Не хотел всеми силами. Но и выбросить, не читая, боялся.

– Ты можешь идти. Не стоит задерживаться в доме, который ты так ненавидишь, – произнес Валдрой.

Девушка поймала жалкий взгляд матери. Ей хотелось побыть с дочерью ещё хоть немножко, но, как обычно, Айрис Рэдферн почему-то ни слова не сказала поперёк и только кивнула:

– Иди, Хэрриет. У нас всё в порядке... Торн хороший мальчик, навещает нас почти каждый день.

– Не то что родная дочь, – сказал отец. – Которая предпочла стать проституткой, чем жить в честном браке с хорошим человеком.

– Честный брак! Хороший человек! Вот как это, оказывается, называется, – не смогла сдержаться Хэтти. – Ну что же, я и тогда и вправду уйду. Учтите, что усыновить Торна вы не можете: его мать ещё вполне жива и бодр.

Она бы хлопнула напоследок дверью – но мать ещё стояла на пороге.

– Если надумаешь отдохнуть от него – можешь подать заявку на неделю в Доме Исцеления, – ворчливо сказала Хэтти. – Может быть, хоть тогда ты поймёшь, что это не то, чем кажется.

Мать не ответила, только низко-низко опустила голову. Не придёт.

Девушка торопливо пробежала через небольшой дворик, заросший сорной травой, и захлопнула за собой калитку. Ужасно хотелось расплакаться, хоть она и знала, что так всё и будет. Знала и понимала, что чувство вины, которое испытывает, доставит удовольствие отцу! И на мать она злилась даже больше, чем на него! Что ей стоило хотя бы раз взять сторону Хэтти? Кипя негодованием, девушка пробежала по улице достаточно далеко, до Садового переулка, когда её окликнули.

– Хэтти! Ну и чего ты убежала, дурочка? Даже не поздоровалась, а все же не чужие люди!

Она резко обернулась. Не стоило Торну называть её дурочкой! Не сейчас, во всяком случае. Всё, что накопилось в Хэтти за последние дни – усталость, разочарование в себе и других, чужая боль, переданная от пациентов, злоба Марнии Линфойд, переживания за мать и неприязнь к отцу – всё это прорвалось наружу мощным магическим импульсом. Ударом, от которого Торн едва устоял на ногах. На своих длинных идеальных ногах, которыми он всегда гордился, будто человеку вообще пристало гордиться, что у него есть какие-то ноги.

– Ах ты, ведьма! – тут же вскричал Торн Линфойд, позабыв свой снисходительный тон.

Основной его эмоцией был страх. Что-то новенькое! В последнее время перед тем, как они расстались, Хэтти чувствовала от мужа примерно то же, что и от отца: властность. Желание подавлять, присваивать и растаптывать – но только когда рядом нет матушки, готовой то же самое проделывать со всеми, включая Торна.

Сначала он этого ничуть не показывал, и эмоции его были – бешеная страсть, но уже после свадьбы Хэтти стала замечать перемены. К её сожалению, она не сразу поняла, что происходит: была недостаточно опытна в распознавании сложных эмоций, да ещё тщательно скрываемых. Но Торн усиливал давление, и девушка стала почти физически ощущать, как становится такой же туповато-безответной, как собственная мать.

А сейчас Торн изменился: он боялся. И это не обрадовало Хэтти – в первую очередь потому, что сама она повела себя не лучшим для целительницы образом. А во вторую потому, что трусы могут быть опасными. Но сейчас её мало заботили чужие эмоции и страхи. Хотелось просто поскорее отделаться от бывшего.

– Хочешь получить ещё? – спросила она. – Правда, хочешь? Я могу!

Она не могла. Боялась причинить боль – особенно не магу. Вдруг это изувечит его? Что потом будет с человеком? Его личность разрушится окончательно. А у таких, как Торн, разрушения и так уже видны, без воздействия магии.

– Подожди! – Торн поднял руки ладонями вперёд. – Я только хотел сказать! Я навещаю твоих родителей не потому, что хотел тебя вернуть. Я просто... Понимаешь? У меня никогда не было отца. Да и мать...

Если бы не скомканный и засунутый недостаточно вглубь страх, то что бы осталось? Хэтти поневоле приблизилась к бывшему мужу, чтобы взглянуть на его эмоции. И стало скучно. Он вовсе не тосковал по семье, а всего лишь пытался манипулировать Хэтти, вызывая чувство жалости и вины. Нет, этого она уже достаточно хлебнула за свои двадцать восемь лет!

– Ты похудела. Осунулась, – быстро заговорил Торн, – тебе ведь нелегко... там? Скажи, чем я могу помочь? Просто чтобы твои родители не сходили с ума оттого, что ты отдаешься мужчинам каждый день.

Хэтти вспыхнула вновь и влепила Торну пощёчину.

– Я работаю в Доме Исцеления, а не в борделе. Усвойте это, вы... и хватит говорить о нас гадости! – сказала она сквозь зубы. – Никто и никогда не принуждает сестер Целительского Ордена отдаваться мужчинам, да ещё каждый день! Что вы знаете о магии и способах восстановить баланс? Что вы вообще можете знать о Доме?

Торн молча потирал щеку.

– Я не вернусь ни к тебе, ни к родителям, ты понял?

– Ты мне и не нужна! – буркнул Торн. – Почему ты считаешь, что я должен думать только о тебе? Я думаю о твоих несчастных, брошенных отце и матери! Ты хотя бы представляешь, как они там? Как твой отец с ума сходит оттого, что ты предпочита...

– Работу шлюхой честному браку с хорошим человеком, так, кажется, мне сказали пять минут назад? Ха, – презрительно сказала Хэтти. – Так вот, Торни, даже это лучше, чем быть с тобой и с отцом. Всё, что угодно, лучше! В доме Исцеления никто не унижает меня каждый день. Никто не заставляет постоянно уступать, кланяться, испытывать вину ни за что.

– Но ты сама виновата, твой характер виноват, – сказал Торн, словно не слыша того, что она только что сказала. – Послушай, я тебя догнал не за этим. Просто мама... моя мама просила передать тебе, чтобы ты еще раз подумала, не стоит ли тебе отказаться от нашей фамилии, ну я и подумал... Подумал, что ты можешь оставить себе всякое там, ну, платья, кое-что из мебели... Мне в основном интересно жилье и, может быть, те побрякушки, которые ты всё равно не носишь.

Ах, вот оно что. Вот он зачем галопом побежал за Хэтти! Конечно, стоило догадаться, что никакие чувства к бывшей жене и тем более к её родителям рядом не стояли! Он собирался сделать предложение новой пассии, неизвестно чем прельстившейся, но жить ему по-прежнему приходится с маменькой, а половину домика сдавать. Вот бы это был целый домик! И в придачу украшения. Их же можно подарить или продать, чтобы сыграть свадьбу. Девушке стало так противно, словно она отведала протухшей лапши.

– Прощай, – ответила она, разворачиваясь, чтобы уйти. – Ты и твоя мать... да и мой отец тоже – вы никогда не изменитесь и не поймете. Фамилию я тебе верну вместе со всем, что ты там мечтаешь вернуть, и живите счастливо, ну, или как получится! А я буду приносить пользу тем, кому нужна моя помощь. Оставьте меня в покое!

– Но Хэтти! Не стоит делать драму из простых житейских вещей!

– Прощай.

Она ушла, недовольная собой. В конце концов, она сегодня была отнюдь не образец мага из Дома Исцеления. Сорвалась, ударила Торна! Нельзя было проявлять такую несдержанность. На душе было прмерзко, но в то же время Хэтти не ощущала никакой вины. Только немного совестно было за собственные вспышки гнева, вот и всё. И ещё – ей полегчало оттого, что злые эмоции получили выход. Она выбросила из себя так много, сколько сумела. И стала как будто чище изнутри.

ГЛАВА 6.

Брат-исцелитель Родорт, несмотря на прохладный вечер, сидел на крылечке бокового входа в Дом. В руках он держал большую кружку, исходящую паром. Хэтти быстренько отнесла корзинку со снадобьями и письмами Глории и присоединилась к целителю, хоть и без кружки. Он протянул ей свою. Приятно пахло травяным чаем.

– Почему у меня ощущение, что тебя снова надо настраивать? – спросил приветливо и безмятежно.

От этих ровных и дружелюбных эмоций что-то внутри Хэтти разжалось, и захотелось немножко всплакнуть. Брат Родорт был так добр!

– Просто я сегодня... встретила с разными там...

Она не договорила, только крепче сжала горячую кружку ладонями.

– Знаешь, – сказал Родорт, – а я вижу, отчего тебе тяжело. Нет, не потому, что эмпадам на такой работе всегда тяжело – все утешительницы эмпады. Нет. Просто ты целитель, а не утешитель.

– Говорят, в Лилыгрее сёстры могут быть исцелительницами, – шмыгнув носом, сказала Хэтти. – И там существует негласный запрет на личные отношения между персоналом и пациентами.

– Я уже разговаривал с Главной сестрой насчет этого. Насчет того, что у нас очень уставшие методы, в нашем Доме, – брат Родорт погладил Хэтти по плечу.

Как всегда, не забыв добавить магии в прикосновение. Хэтти даже думала, что он неосознанно так делает – привык исцелять, вот и колдует.

– Родорт, – сказала Хэтти, – ты – одна из причин, почему я не ухожу. Ты и правда настоящий друг и брат.

Целитель слегка усмехнулся и забрал из рук девушки кружку. Не спеша отпил – и вернул, чтобы Хэтти и дальше согревала замерзшие ладони.

– Хэтти, – сказал он в тон сестре-утешительнице, – тебе всё здесь не так. За три месяца не привыкнешь, даже не надейся. Не настроишься на нужный лад. Знаешь, какова твоя главная ошибка? Ты пытаешься действовать не как целитель или утешитель, а как боец. Если ты сестра-утешительница, то не принимай болезнь как вызов, а плохие эмоции – как врагов. Попробуй проникнуться ими, а не бороться.

Она вспомнила, как хотела взаимодействовать с пациентом и кивнула. В этом была истина. Ей хотелось вызова и борьбы. Хотелось сжимать кулаки, стискивать зубы и так преодолевать все трудности. Потому, видимо, и желало сердце девушки помогать не кому бы то ни было, а сложному, невыносимому, непонятному и пугающему Конуэю.

– Я со многим тут не могу смириться, – пожаловалась Хэтти. – Сегодня... сегодня меня назвали шлюхой, и я, как бы ни возражала, всё равно на самом деле думаю, что мы здесь... недалеко ушли.

– Далеко, – пожал плечами брат Родорт. – Очень далеко! Сестры, если даже спят с пациентами, делают это не за деньги и не из тяги к постельным утехам. Это всегда любовь. Для многих сестер оказывается невозможным восстановить баланс магов иным способом – они проникают в суть больного, сплетаются чувствами с их чувствами... и не могут поступить иначе. У них всё исключительно по любви, которая, однако же, растворяется, стоит утешительнице и пациенту расстаться. Их обнажённые чувства перестают соприкасаться – и магия тает. Бывает, что любовь при этом не проходит, случаются чудеса... Но только стоит понимать, что не все утешительницы одинаковы. Ты, или Элиза, или вот ещё Анни – у вас магия чуть иная. Я не зря назвал тебя бойцом. Ты солдат, в тебе есть огонь. Пригаси его, пока не обожгла кого-то из больных.

– А Элизу? Как бы ты назвал сестру Элизу?

– Элизу, – в голосе Родорта послышалось тепло, – Элизу я бы назвал тёплой водой. Она обволакивает и обтекает, даруя исцеление доступным лишь ей способом. Она вода, которая способна утопить или оживить. Элизе незачем ложиться с мужчиной в постель – если только она не влюбится нечаянно просто так, без всякой магии.

– Это и произошло, – сказала Хэтти. – И я так и не решилась доложить лээрте Финн о том, что она...

Родорт снова забрал у девушки кружку – уже остывающую на осеннем ветру. Поглядел на остаток чая, вздохнул.

– Вот, значит, как. Она по-настоящему полюбила кого-то?

Несложно догадаться, кого. Родорт ведь сам распорядился, чтобы парня с ампутацией утешала именно Элиза. Но Хэтти с удивлением почувствовала эмоции, которые сейчас охватили Родорта.

– Она тебе нравится, брат, – сказала Хэтти.

– Нравится, сестра Хэрриет. И придётся, наверное, влезть в дело, в которое я бы ни за что не стал влезать, если бы... это была другая женщина.

Они помолчали. Брат-исцелитель, кажется, думал об Элизе – по крайней мере, Хэтти чувствовала искреннюю и теплую привязанность, обращённую отнюдь не к ней, а тогда к кому? Скорее всего именно к темноглазой худенькой утешительнице. А сама Хэтти раздумывала о том, как бы половчее нарушить основное правило и разузнать немного о Гленнаре Конуэе.

О тёмном маге. Вернее, о стихийнике, который постепенно уходил во тьму. Маги различных стихий сами по себе не тёмные и не светлые – до той поры, пока всерьёз не выберут стезю. И уж если выберут – то свернуть с пути им будет трудно. Плохо, когда ты фанатик того или другого, фанатиком вообще плохо быть. Но хуже всего именно тьма.

Когда-то мир погрузился во тьму более, чем наполовину. Говорят, до сих пор существует его изнанка, где творятся страшные вещи. Говорят, там до сих пор правит орден Тёмной Магии – с его жуткими правилами и кровавыми традициями. Хорошо, что здесь, в этом мире, есть место Свету. Но порой Тьма проникает сюда с изнанки и захватывает души людей...

– Ты в порядке? Не замёрзла? – спросил Родорт, и Хэтти стряхнула с себя мрачное забытие.

Вокруг было так тихо, спокойно и красиво! Наверно, ночью ударят первые заморозки: вон какие алые и багровые блики бросает на небо закат! После заморозка станет яркой и пёстрой листва деревьев, а розы в саду, наверно, потемнеют и опадут.

– Нет, – ответила Хэтти неохотно. – Не замёрзла.

Хотя ноги в слишком тонких ботинках всё-таки озябли. Так, самую чуточку. Но ей всё равно хотелось пройтись по вечернему саду в одиночестве. И в последний раз взглянуть на те тёмно-красные розы – коснуться пальцами тугих прохладных лепестков, ощутить их бархатистость, вдохнуть слабый аромат.

Прощавшись с братом Родортом, Хэтти обогнула Дом и пошла по тропке между кустами и деревьями. Сейчас больные уже не прогуливались тут: обычно гуляли перед обедом и до заката, а потом сад становился пустынным. Поэтому девушка вздрогнула, услышав шорох. И резко развернулась, готовая ударить, если нападут. Не бить первой всё-таки хватило ума, и хвала всем богам, истинным и ложным.

Потому что из кустов выбрался Гленнар Конуэй, протягивая девушке темно-бордовую, почти чёрную розу.

ГЛАВА 7.

– Лээрт Конуэй, – пролепетала Хэтти.

– Напугал, – прошептал Конуэй с таким отчаянием, что у девушки сжалось сердце. – Напугал! Дурак...

И опустил руку с цветком. Сжатую так сильно, что между пальцами кое-где появилась кровь.

– Вы поранились, – сказала Хэтти.

– Правда, – ответил Конуэй с удивлением.

Но даже не поднял руки, а лишь стоял неподвижно, глядя перед собой.

– Почему вы не в своей комнате, лээрт Конуэй?

– Там враги, – сказал пациент, до этой секунды казавшийся Хэтти вполне нормальным, только немного расстроенным. – Враги, везде враги. Огонь лезет наружу, огонь везде. В венах огонь! Мне надо идти.

Он поднял руку, и Хэтти с ужасом увидела, что кровь отливает странным багрянцем. Как если бы ещё не зашедшее солнце загло в каждой капле и струйке по огненному отражению! Но нет, солнце уже закатилось, а это был тёмный и страшный огонь пожирающей человека изнутри магии. Или проклятия? Чтобы ответить на вопрос, нужен был опытный целитель, и Хэтти, разумеется, тут же вскричала:

– У вас кровь, а теперь будет ещё и ожог. Это же больно! Брат Родорт!

Но она не успела даже договорить имя своего друга и наставника. Конуэй отчаянно метнулся к девушке. Он отшвырнул розу прочь, схватил одной рукой за плечи, а другой, окровавленной, зажал рот. Хэтти в ужасе забилась, как лань, попавшая в ловушку. Ей показалось, что эта жуткая проклятая кровь, смешанная с огнём, прожжёт ей кожу.

Забилась – и тут же невероятным усилием воли заставила себя замереть. От Конуэя исходила опасность, но он и сам боялся ничуть не меньше, чем его жертва. Лучше было его не раздражать, не пугать и не злить.

– Не надо, не кричи, – шёпотом взмолился он. – Схватят – одурманят, и тогда снова война, снова враги и смерть. Лучше бы Тьма – но нет, будет только хуже. Не надо! Прошу, сестра, не надо!

Она вцепилась в его напряжённые пальцы своими – попыталась освободить рот. Но Конуэй держал крепко. Руки у больного были горячие, сухие, как раскалённая сковородка. Странно, что не обжигали и странно, почему не чувствовалась влага от крови. Подавляя желание начать выворачиваться или даже ударить магией, Хэтти осторожно погладила твердые костяшки сведенной до судороги мужской кисти.

От удивления Конуэй отпустил Хэтти, но та сделала над собой усилие, чтобы не заорать и не дать от него дёру. Настоящая сестра-утешительница не станет бежать от пациента, а подыщет какой-нибудь способ его успокоить. Правда, мысли Хэтти металась в голове, словно напуганные белки в ловушке. Пока она размышляла, что ей надо сделать или сказать, Конуэй вдруг снова привлёк её к себе. Но уже не так резко, а бережно, словно не нуждался в успокоении, а сам хотел утешить. Он легко сдёрнул с Хэтти шляпу, нещадно взъерошил аккуратно сколотые волосы – шпильки так и полетели прочь – и понюхал голову девушки.

Не ожидавшая такой фамильярности, Хэтти всё-таки дёрнулась. И Конуэй погладил её по спине. Его рука заметно вздрагивала.

– И к тебе тоже подбирается зло, – с горечью заметил пациент. – Даже больше, чем к другим.

– Отпустите меня, – возмущённо пискнула Хэтти.

У неё даже голос отказал от таких вольностей! Зато стало так жарко, что куда там чаю Родорта!

– Не бойся, – сказал Конуэй, и Хэтти почувствовала, как он старается сдерживаться, чтобы не пугать её ещё больше. – Если тебе понадобится защита – я приду. Жаль, что ты не захотела быть моей утешительницей.

– Вы... Вам назначили сестру Малин, – сказала девушка, наконец, отпущенная на свободу.

Собирать шпильки с земли, да ещё в сумерках было как-то неловко, и она нахлобучила шляпу поверх растрепанных волос.

– Сестра Малин не подходит, – с досадой ответил Конуэй. – Ты подходишь.

– Я не буду с вами спать! – яростно выкрикнула Хэтти, уже готовая обогнуть больного и бежать к Дому Исцеления.

Остановило её только выражение боли на лице пациента. Всё-таки ранила – словами и эмоциями. Хотя не показалось ли ей, что к эмоциям он не то чтобы глух, а просто плохо восприимчив?

– Я не просил, – ответил Конуэй с трудом, едва дыша.

У него словно лицо свело от напряжения. Хэтти подумала, что надо бы извиниться, но пациент уже развернулся к ней спиной и пошёл прочь. По плечам было видно: оскорблён. До глубины непонятной и тёмной души.

– Я не просил, – повторил он, удаляясь. – Но ты можешь просить всё, что хочешь.

Хэтти поняла, что еле дышит, лишь когда сердце пропустило удар-другой, неприятно замерев в груди. Приложила ладони к горящим щекам, с усилием вдохнула и выдохнула. И привычно отругала себя за резкость. Разве настоящая сестра-утешительница будет так дерзка с пациентом? Ей ведь объясняли, и не раз: надо быть ровной, спокойной, откликаться на чувства, передавать больному положительные эмоции. Никто только вот не объяснил, откуда их брать! Никто не сказал, как их генерировать, когда страшно, больно и трудно дышать, а главное – когда не можешь понять, что он, к демонам, чувствует, этот больной!

Она вдруг поняла, что раздосадована и зла. Надо было успокоиться, вот что. Хэтти сделала шаг к Дому и чуть не наступила на ни в чем не повинную розу, оставшуюся валяться на дорожке. Подняв цветок, девушка коснулась прохладных лепестков. Затем осторожно, боясь пораниться, провела пальцем по стеблю. И удивлённо охнула: не было на нем шипов. Стебель оказался гладким, это был сорт роз, у которых вывели все шипы. Но под пальцами оказалось ещё и липко. Кровь всё-таки была. Что-то ранило Конуэя, что-то – не роза. И кровь была полна магии в тот момент, когда пациент касался Хэтти. Утешительница задумчиво обернула стебель носовым платком и отправилась к себе в комнату. Зажгла свет, чтобы убедиться, что не проглядела в сумерках парочку шипов. Нет, цветок оказался невинен и безоружен.

– Как странно, – сказала Хэтти. – Непонятно.

Ей вдруг захотелось поплакать. Вполне понятное чувство после пережитого за целый день! Но она не стала. Просто умылась и легла, забыв даже спуститься в кухню и поесть – а ведь пропустила ужин. Да и спать было в общем-то рановато!

Но Хэтти вымоталась и решила, что самым лучшим отдыхом будет именно сон. Уснула она быстро и до самого утра не видела ни единого сновидения.

ГЛАВА 8.

Просыпаться от того, что в коридоре что-то происходит, кажется, стало обыкновенным делом в Доме Исцеления. Хэтти вздрогнула, когда ей показалось, что она слышит голос Гленна Конуэя. Но тут в комнату постучали, и раздался голос одного из самых пожилых братьев-исцелителей, Орнальда.

– Сестра Хэрриет! Прости, что разбудил, но дело, по-видимому, важное.

Хэтти поскорее поднялась и запахнула халат, чтобы прикрыл понадежнее и тело, и помятую за ночь рубашку. Волосы собрала в пучок и прикрыла чепчиком – расчесывать уж точно было некогда. Мельком глянула в зеркало – лицо бледное, серые глаза испуганно округлились, но в остальном всё в порядке. Отперла дверь и увидела на пороге родителей. Первым её желанием было захлопнуть дверь, да ещё столом изнутри подпереть. Но взгляд мамы... Как давно Хэтти не видела этого сияния! И чувствами от матери веяло добрыми, хорошими. Радость? Радости мама не испытывала очень давно. А вот отец был растерян, обеспокоен и взволнован сверх меры.

– Хэтти, девочка, – сказал он торжественно, – собирай вещи. Тебе больше не придется мыкаться по чужим углам. И тем более служить здесь...

Он обвёл комнату рукой, но было ясно, что имеется в виду вовсе не скромная спальня сестры-утешительницы, а весь Дом Исцеления.

– Сестра Хэрриет, я могу вас оставить с ними? – спросил брат Орнальд мягко. – Потому что я вижу, что вы не вполне рады.

– Идите, брат, – вежливо ответила Хэтти, хотя ей хотелось вытолкать из комнаты отца и мать, а вовсе не старенького исцелителя. – Спасибо вам.

– Собирайся, что же ты стоишь? – сказала мать суетливо и фальшиво. – Мы скоро сможем отсюда уехать, разве ты не рада покинуть это место?!

– Я не сдвинусь с места, пока не услышу, что произошло, – твердо сказала Хэтти.

– Боги слышали мои мольбы, – сказал отец, который вряд ли хоть один гимн знал наизусть, да и в храм не заглядывал с момента окунания дочери в Чистый Источник. – Мы будем богаты.

– Может быть, вы будете богаты как-нибудь отдельно от меня, а я поживу одна, без вас? – спросила Хэтти прерывающимся голосом.

Не веяло от них эмоциями, которые, по её представлению, могли быть у людей на грани обогащения. Да и откуда им взяться, богатствам-то?

– Не будь ребёнком, Хэтти, быстро одевайся и пошли, – скомандовал отец. – Или ты забыла, что ты всё ещё моя дочь и должна меня слушаться?

– Я взрослая женщина, присягнувшая Ордену Исцеления, и никуда не иду, – Хэтти села на кровать и вцепилась в её основание обеими руками. – Уходите, или я позову охрану!

– Но доченька, – пролепетала мама.

– Не мямли, Айрис, – велел отец. – Лучше скажи своей дочери, что для неё и для её семьи сейчас будет самым лучшим выходом сделать так, как сказано в письме. Раз уж она всё-таки притащила его в дом, то пусть и отвечает! Жду её готовой и одетой через три минуты.

Процедив эту речь сквозь губу, так, словно, Хэтти и в самом деле в чем-то провинилась, отец вышел из спальни. Айрис, будто её под колени ударили, опустилась рядом с кроватью на стул.

– Мам?

Мать покачала головой.

– Умоляю тебя не отказываться, – сказала она. – Всё-таки состояние, остров, дом...

– Мам!

– Он меня со свету сживет, если ты откажешься. И вот... у тебя месяц на выполнение условий завещания твоего дяди, васкога Рэсми Рэдферна-Тэйта.

– У меня? Почему это – у меня? Разве у васкога Тэйта не должно быть полным-полно куда более близких родственников? Разве письмо не было адресовано отцу? – спросила Хэтти.

Дурное предчувствие охватило её и качнуло туда-сюда, словно ветер – тонкое деревцо.

– Оно было адресовано твоему папеньке, Хэтти. Но в нём говорится о тебе, – ответила мама. – У васкога Рэдферна-Тэйта перед смертью возникло желание завещать свое имущество тебе, доченька. Его семья давно скончалась, ты была ещё крошкой, когда твой кузен Уэлли заразился странной болезнью и умер, а с ним и его родители. Папенька ведь рассказывал.

– Нет, не рассказывал, – упрямо сказала Хэтти, ничего такого не помнившая.

Она только знала, что у семьи отца были богатые родственники, дядя и двоюродный брат с женой. Но о том, что они умерли, девушка и понятия не имела. Дедушка и бабушка с отцовской стороны ушли по серебристой нити в темноту ещё раньше, чем родичи с материнской. Другая родня вовремя не поддержала Валдроя, когда дела у того пошли хуже, чем ему бы хотелось, да так постепенно их семья и отделилась от всех, кроме тётушки Луции, которая безмятежно проживала тут, в Алыгрее. Хотя, кажется, там был двоюродный брат отца, погибший в сравнительно молодом возрасте от руки какого-то сумасшедшего.

– Ну, может быть, ты просто забыла, у тебя не слишком хорошая память, – сказала тем временем Айрис. – Но суть одна: ты внучатая племянница богатого человека. И ты его наследница. Читай же, Хэрриет.

Хэтти вовсе не хотелось читать письмо, адресованное отцу. Но пришлось взять его в руки, а мать принялась цитировать почти наизусть – девушка лишь иногда бросала взгляды на бумагу, чтобы понять, что уж у Айрис-то память что надо.

Когда после долгого и витиеватого вступления дошло и до условия, Хэтти встала с кровати и отбросила письмо, словно дохлую лягушку – лишь бы подальше.

– Если ты не хочешь вернуться к Торни, то подумай, что сделать для того, чтобы найти кого-то другого, – торопливо сказала мама. – В первую очередь надо уйти из Дома Исцеления и покинуть город – он слишком маленький, тут все тебя знают, и...

Хэтти закрыла глаза. Как же противно было слушать этот заискивающий, словно извиняющийся перед всеми и за всё голос!

– Мама! Я никуда не уйду отсюда и никуда не поеду. Мне это всё не нужно! – вскричала она. – Если вам так дорого наследство, давайте я вам его сразу же отдам!

Айрис встала напротив дочери и посмотрела ей в глаза. Хэтти чуть не сжалась в комок, ощутив страх, растерянность и подавленность мамы.

– Но так не получится, – сказала Айрис. – Посмотри сама, видишь? Надо ехать на остров. Мы с отцом на тебя рассчитываем. То, что сказано в письме – про твоё замужество в течение года, про рождение ребёнка...

Хэтти обняла мать за плечи и поразилась, как та исхудала. Прижала её к груди, сказала:

– Мам. Я тебя очень люблю. Правда, очень-очень. Ты ужасные вещи сейчас говоришь, мам, но я понимаю: это всё отец, он просто тебя в какой-то момент совсем запугал. Но я его тоже всё ещё готова простить и полюбить, если б только он немного поменял своё мнение обо мне. Да и о тебе тоже! Мам, ну зачем нам замок, остров? Зачем?

– А ещё огромный счёт в банке, – мать говорила так, словно читала заученную роль, как если бы это были не её слова, и Хэтти насторожилась. Что-то в этом было не так! – Куча денег на то время, пока ты не вступишь в права окончательно – то есть пока не родишь ребенка. Куча денег, Хэрриет! Ты только подумай. И тебе даже не надо искать мужа – Торн ведь хоть сейчас готов, чтобы ты к нему вернулась.

Хэтти застонала.

– Мама! Но я-то не готова к нему вернуться! Он такой... Такой мерзкий!

– Хэрриет, – Айрис схватила Хэтти за руки. – Послушай! Обещай подумать над этим. Обещай, что ты подумаешь, а пока пойдем и подпишем бумаги – прошу тебя! Я готова заступиться за тебя перед Валдроем, сказать, что ты ещё немного сможешь побыть тут, если ты сейчас пойдешь с нами в контору.

Хэтти показалось, что она ослышалась.

– Ты... что? Скажешь ему что-то наперекор? Правда?

Мама покивала.

– Я тоже люблю тебя, Хэрриет. И не думаю, что вы здесь все – падшие женщины. Я никогда так не думала! Ты всегда умела исцелить меня одним только прикосновением, вот и сейчас – ты обняла меня, и я, кажется, стала сильнее и храбрее. Тебе не надо ни с кем спать, чтобы изменить его и сделать... здоровым. Я в тебя верю, Хэрриет. Но послушай, послушай. Нам надо попасть в этот замок и на этот остров – нам, нашей семье! Дело даже не в деньгах, пусть отец и говорит, что мы в них нуждаемся. Не могу тебе всего рассказать, но это важно.

Она говорила горячо... и неуверенно. Словно понимала, что её заносит всё дальше не туда, куда надо бы. А может, перестала верить в слова своей роли? Как знать! Хэтти сжала руки матери в своих и сказала:

– Ладно. Дай мне минутку, чтобы одеться. Если мы друг другу поможем, то отец не сможет сломить нас. Будем держаться друг за друга, хорошо?

Мать снова закивала. Хэтти, закусив губу, принялась одеваться так быстро, как только могла. Между делом она лихорадочно соображала, что ей делать дальше. Остров, замок, баснословные богатства – всё казалось абсолютно нереальным и потому не очень привлекало. Казалось, что там, в этом замке, непременно будет ловушка. А что условия – быть замужем, родить ребенка? Словно какие-то древние времена, когда женщина не имела права что-нибудь наследовать и вообще иметь какую-то собственность: подобное было возможно только, если рядом есть какой-то мужчина. Муж, брат, отец, дядя, опекун – кто угодно, только не она сама.

Ну хорошо, может, дядя Рэми был очень странный и старомодный. Но ребенок-то тут при чем?

Чем дальше Хэтти размышляла, тем ей меньше всё это нравилось. И она даже начала жалеть, что согласилась на компромисс. Но отступать она не привыкла – даже чуя проигрыш. И потому вышла из комнаты с матерью рука об руку, готовая к бою.

Отец сидел на скамейке в конце коридора, всем своим видом показывая, как заждался.

– Наконец-то, – буркнул он, окидывая взглядом Хэтти. – Что это на тебе за обноски? Ты к нотариусу собираешься, а не на свалку, Хэрриет! И где твои чемоданы?

– Ей пока лучше остаться здесь, Валдрой, – как и обещала, вступилась за дочь Айрис. – Только представь, что будет, если она вернется в отчий дом и все тут же узнают о наследстве!

– Отчего же они узнают? – нахмурился отец.

– Затем, что при появлении дома красивой девушки с сомнительной репутацией начнутся расспросы и кто-нибудь из нас, твоих любимых глупышек, непременно проболтается, – ответила мама голоском упомянутой ею «глупышки».

Хэтти едва не уронила перчатки, которые как раз хотела надеть. Ничего себе, мать, оказывается, здорово научилась хитрить! Едва услышав о «любимых глупышках», Валдрой слегка смягчился лицом и кивнул.

– Верно.

– Женщины ведь так глупы! – подлила масла в огонь Айрис.

Это звучало противно, но Хэтти теперь прислушивалась не к интонациям и не к словам, а к чувствам, и они не обманывали: мать словно чего-то выжидала. Хотя чему удивляться? Многие годы жизни с тираном заставят научиться разным хитростям. Вот только сама Хэтти не превзошла маму, а сбежала от этого! При первой возможности поспешила замуж, а при второй – поселилась тут, в Доме Исцеления...

– Это точно. Хорошо. Пусть Хэтти пока побудет здесь. Позже я побеседую с её начальником – пусть усвоит, что моя дочь больше не подстилка для...

Откуда-то вдруг появился брат Родорт – Хэтти даже не поняла, как он оказался рядом. Поклонился, слегка коснулся руки Валдроя и сказал:

– Ваша дочь никогда не была ничьей подстилкой. Вот и не делайте из неё... такую. Даже просто на словах. Боги всё слышат, но у них плохие уши. Могут решить, что вы желаете странных вещей для своей дочери – и воплотить желаемое. Осторожнее со словами, лээрт Рэдферн, осторожнее!

Валдрой снова насупился, однако ничего не сказал. Только надул щёки и, резко развернувшись, направился к выходу. Даже не убедившись, идут ли за ним дочь и жена!

Но они пошли, взявшись для храбрости за руки. Хэтти чувствовала, что её жизнь меняется. И всё ещё не верила, что перемены будут к лучшему.

Родорт ведь правду сказал. У богов плохие уши.

ГЛАВА 9.

Завещание в нотариальной конторе зачитывали долго и нудно. Хэтти никак не могла отделаться от сравнения унылой процедуры с похоронным ритуалом, во время которого жрецы перечисляли достоинства умершего, перебирали имена Истинных богов, шёпотом поминали Ложных, в основном Болсира, Дайне и Сомзана (так положено, иначе обидятся и навредят покойному на том свете), затем переходили к успокоению удрученных горем родственников... И конца-края этому не было.

Так и тут. Бесконечные «если», условия, оговорки: если уже замужем, то должна забеременеть в условленный срок, если уже беременна, то пусть сохранит ребенка, в случае его потери во время вынашивания или родов пусть не тянет с зачатием нового наследника... Наследнику, кстати, необходимо было дать фамилию Рэдферн, фамилию отца в таком случае возможно сделать второй.

В письме всё было пересказано куда короче – только самая суть. И хотя бы за это можно было поблагодарить почившего дядю Рэсми.

Но зато отец был доволен услышанным. Он, казалось, обжевывал губами каждое слово, каждую подробность – и в конце с фальшивым пафосом изрёк:

– Наконец-то наша дочь не будет торговать телом, а выйдет замуж за человека, которого я сочту достойным и родит ребенка, чтобы получить статус, недвижимость и деньги.

Хэтти так и взвилась:

– Разве родить ребенка за деньги лучше? Разве это – не торговля телом, да ещё и не только своим? Как по-вашему, хорошо ли звучит условие – в случае потери ребенка не тянуть с зачатием нового? Я что, курица, которую будут держать только ради яиц?

– Ты что... разве не хочешь детей? – растерялась мама.

– Хочу! Но не ради того, чтобы получить какое-то там наследство! Я хочу любимого ребенка от любимого человека... А не как вы меня родили: для того, чтобы родня косо не смотрела! Но то, что вы предлагаете, еще хуже, потому что косо на меня глядят и так!

Отец и мать переглянулись и почти одинаково свели брови к переносице.

– И ты не хочешь, – сказал Валдрой, – чтобы твоя пожилая матушка прожила остаток отпущенного богами времени в роскоши и умиротворении? Хорошая же ты дочь! А ещё что-то лепечешь о любви. Где же она, твоя любовь, когда речь заходит о твоих бедных больных стариках? Ты должна нам, очень много должна. Дочерний долг – самое важное в твоей жалкой жизни.

Не походил он на бедного и тем более больного старика! Крепкий, румяный мужчина. Хэтти знала, что у Валдроя Рэдферна должность в городском суде, а мать частенько за деньги помогает соседкам: то посидеть с детишками помладше, то помочь с учебкой ребятам постарше. Так что всё необходимое для жизни у её родителей имелось: жильё, одежда, и не самая плохая, домашняя утварь, еда. Да и старыми пятидесятилетняя Айрис и пятидесятичетырёхлетний Валдрой тоже вряд ли могли считаться. Больные? Тоже нет. Валдрой всегда следил за своим здоровьем, а Хэтти помогала Айрис справляться с небольшими недугами. Всерьёз никто из них не болел.

Однако речь была предназначена, конечно, не Хэтти, а нотариусу – чтобы продемонстрировать, какая у лээртов Рэдфернов плохая дочь. Хэтти только зубами скрипнула, когда ей велели обмакнуть металлическое перышко ручки в чернила и поставить подпись.

– Я не хочу в этом участвовать, – уперлась девушка.

– Тут есть приписка, и в ней сказано, – сказал нотариус, – что вы можете обратиться к дворецкому поместья на острове Грэди. Дворецкого зовут Кастор Солл, и связаться с ним можно через курьера.

– Зачем мне обращаться к нему? – насупилась Хэтти.

– Тут написано, – сказал нотариус, – что если у вас, молодая лээрта, будут сомнения, то дворецкий покажет вам имение. Весь остров Грэди: с пристанью, гостиницей, садом, лечебницей, домом с пристройками...

Мать как-то сжалась и была подавлена. Да и отец на самом деле ничему не радовался, а был напряжён и даже напуган. Хэтти, уловив эту напряжённость, и сама подобралась. А потом сжала кулаки и спросила:

– А если я... и после экскурсии откажусь от наследства?

Валдрой и нотариус переглянулись.

– Не может быть такого, чтобы ты отказалась от благополучия, твоего и твоей семьи, – почти мягко сказал Валдрой. – Тем более, что от тебя совершенно не требуется никаких жертв. Всё только самое приятное: выйти замуж, родить ребенка. То, что так естественно для каждой женщины! Как всё-таки жаль, что у вас вышла размолвка с Торном.

– Кажется, только мне и Марнии Линфойд не жалко, что она вышла, – высказалась Хэтти.

– Торн бы очень подошёл нам, но я готов идти на уступки, – сказал отец. – Если у тебя есть на примете другой достойный мужчина – так и быть, выходи не за Торна.

Ей это всё нравилось меньше и меньше, к тому же было не вполне понятно, отчего отец так нервничал. Она бы даже сказала, что он старательно и глубоко пытался спрятать свой страх, но тот всё-таки торчал наружу. Как если бы в комод хаотично напихали белья и один уголок всё время высовывался из ящика, белея в темноте. И вот этот страх был не вполне ясен для Хэтти, хоть и объяснял излишнюю и довольно прямолинейную грубость. Валдрой умел хитрить и прикидываться, но почему-то сейчас оставил эту привычку.

– Не давите на меня, – сказала Хэтти, думая о том, как бы избежать или наследства, или назойливых родственников.

Потому что уж если жить в замке на острове, то можно и без родителей.

– Но мы же можем туда съездить? Раз уж нас приглашают, – умоляюще спросила Айрис, и Хэтти, хоть и понимала, что поездка дастся им нелегко, согласилась.

Нотариус обещал тут же связаться с дворецким из дома на острове Грэди, и прием, наконец, был закончен. В соседней комнате уже ожидало немало народу: видимо, долгое оглашение завещания и препирательства после него создали такую очередь.

Хэтти вернулась в Дом Исцелений измотанная. Она даже хотела пропустить обед, но в дверь робко постучали. Это была Элиза.

– Ты не составишь мне компанию? – спросила она. – Я почему-то всех боюсь. На меня как-то косо смотрят.

– Что ты, – ответила Хэтти. – Тебя тут любят.

– Мне так страшно! Что, если меня выгонят?

Элиза припала к плечу Хэтти и тихо-тихо заплакала. Только по вздрагивающим хрупким плечам да еле слышному сопению было понятно, что девушка плачет. И Хэтти вдруг воспряла. Усталость как рукой сняло. Она обняла подругу покрепче и сказала:

– Ну ладно, поплакала и хватит. Иди сюда, я помогу тебе умыться.

Откуда она знала, что лучше подействует на Элизу? Почему выбрала именно такие слова? Хэтти не знала. Просто что-то подсказало ей, как лучше утешить. Через минуту обе девушки, держась за руки, уже шли в трапезную обедать.

Аппетит у Элизы всегда был довольно скромный, а тут она вдруг, блестя глазами, принялась набирать на тарелки и сырный салат, и суп с крупно порезанными овощами и лапшой, и маленькие котлетки с пряными травами, и мясной рулет.

– Ого, – сказал брат Родорт, снова как-то незаметно оказываясь рядом. – Люблю, когда у людей хороший аппетит! Можно составить вам компанию, сестры?

У него на подносе была лишь тарелка с горкой тёртой моркови, кусочек запечённого мяса на ломтике хлеба и чашка бульона. Хэтти же и вовсе не хотелось есть. Она вдруг почувствовала себя и бодрой, и не голодной, только как будто слегка на взводе. И не удивилась, когда Родорт похлопал её по руке.

– Ничего, – сказал он, – когда привыкнешь правильно обращаться с тем, что получила от других людей – будет полегче.

– Мне не тяжело, – удивлённо сказала Хэтти.

Выбрала суп, как у Элизы, и поджаренный хлеб. Все втроем они сели за стол поодаль от остальных, чтобы никому не мешать разговорами.

– У тебя подъём потому, что ты удачно утешила Элизу. Но он скоро пройдет, потому что у неё проблема была невелика, – сказал брат Родорт, продолжая разговор.

Элиза вскинула на него удивлённый взгляд, но ничего не сказала. Зато Хэтти заметила, что Родорт избегает смотреть на девушку. Неужели стесняется своих чувств?

– Но тем, с кем ты сегодня ушла, нужна помощь не утешителя. Там требуются диагностика и целительство, – сказал Родорт и отпил немного бульона.

– Валдрой Рэдферн даже не маг, – сказала Хэтти, пытаясь осознать услышанное и не в силах этого сделать. – А вот мама... Я сегодня, кажется, помогла ей.

– Я её видел, – Родорт слегка поморщился.

Он отправил в рот кусок мяса, прожевал и кивнул, будто соглашаясь с какой-то из собственных мыслей. Затем покачал головой, словно другая мысль оказалась неверной.

– Твоих сил на двоих не хватит. Но если я могу посоветовать, кого выбрать для исцеления, я бы посоветовал отца. Да, я понимаю: он не маг, но мы здесь оказываем помощь магам не потому, что обычные люди не нуждаются в наших практиках. Более того, братья-исцелители нередко навещают городской госпиталь и дом умалишённых.

– Я не знала, – промямлила Хэтти.

– Конечно, не знала. Ты здесь только третий месяц, – сказала Элиза, доселе молчавшая.

Хэтти, сидевшая напротив Родорта и рядом с Элизой, увидела, как при звуках голоса подруги лицо брата-исцелителя изменилось. Нет, оно и так не было жёстким или суровым. Брат Родорт не обладал ни чеканным профилем, ни идеальными чертами лица – самый обычный мужчина самых средних лет, с доброй улыбкой и задумчивыми серыми глазами. Но, едва он перевёл взгляд на Элизу, как его словно озарило изнутри тёплым мягким светом.

«Если я найду на свете человека, который посмотрит на меня так – я тут же схвачу его в объятия и не отпущу!» – подумала Хэтти.

Но она понимала, что на самом деле этого будет мало. Ей надо бы ещё и самой смотреть так же.

– Я не выбрала бы отца, – сказала Хэтти, рассеянно кроша поджаренный хлеб. – Если уж говорить о том, на кого тратить силы, то это была бы мама. А лучше...

Она запнулась.

Лучше что? Лучше бы ей взяться за Конуэя? А ведь эти слова едва не слетели с её губ. Но нет, пугающий, странный и в то же время непонятно притягательный пациент ей не по силам.

– Нет, ничего. Да, я бы попыталась помочь именно матери. Я уже немного жалею, что не попыталась раньше.

– Мне кажется, ты пыталась, только не вполне осознанно, – сказал брат Родорт. – Но я хочу тебя предупредить, Хэрриет: твоя мать все-таки маг, эмпат и менталист, и она сильнее, чем ты думаешь. Она словно под гнётом чар, причём наложенных разными магами в разное время. Тебе с нею будет сложнее, особенно пока ты ещё не очень опытна. К примеру, ты даже не пыталась диагностировать её, а ведь она под этим гнётом уже давно. Поэтому будь повнимательнее и не спеши.

Закончив свою речь, он снова загляделся на Элизу, которая в это время с отменным аппетитом доедала суп и мясо, попеременно беря еду то с одной, то с другой тарелки.

– Оставляю вас, – сказала Хэтти.

Она вполне наелась и действительно могла идти. Ей вдруг захотелось отправиться к Главной сестре и попросить пациента посерьезнее, чем прежние. Может быть, ту женщину, с которой уже беседовала вчера, ей ведь всё ещё нужна помощь.

– Я с тобой, – выпалила Элиза, отчего-то зарумянившись.

– Ты и половины не съела, – улыбнулась Хэтти. – К тому же... Я бы порекомендовала тебе поговорить с братом-исцелителем Родортом, причем без меня. Мне кажется, этот разговор будет полезен вам обоим.

Теперь слегка покраснел и Родорт.

ГЛАВА 10.

На лестнице третьего этажа больничного крыла был небольшой балкончик. Хэтти любила это место. Выступ здания защищал балкончик от ветра, а рядом росла красивая рябина. Весной дерево богато цвело, запах был яркий и пряный, летом дарило густую тень клумбе под ним. Осень раскрашивала листья и гроздья ягод во все оттенки красного, а зимой на рябину прилетали птицы. Как раз сейчас, в любимое Хэтти время года, дерево было особенно красивым. Багровые с рыжими прожилками листья, красновато-оранжевые кисти ягод резко контрастировали с пасмурным небом.

На балкончике стояло две низеньких скамейки для любителей отдохнуть здесь. Сестры-утешительницы и братья исцелители частенько искали уединения. Нынче, конечно, долго тут сидеть было холодно, но всё-таки ради успокоения девушка опустилась на скамеечку, стараясь натянуть шерстяную юбку так, чтобы как можно лучше спрятать щиколотки.

Любуясь разноцветьем осени и дыша свежим воздухом, Хэтти приводила нервы в порядок. Успокаивалась, возвращала себе ощущение равновесия. Как жаль, что равновесие – такая шаткая штука!

Кажется, Хэтти в конце концов задремала, потому что как иначе объяснить, что руки и ноги затекли и стали совсем холодными? Она неловко пошевелилась на скамеечке, пытаясь чуточку размяться, прежде чем встать... и вдруг услышала голоса от приоткрытой застекленной двери. Кажется, сестры-утешительницы собрались на лестнице – их было никак не меньше трех. Девушке вовсе не хотелось, чтобы её застали за подслушиванием, но ноги плохо слушались, и она всё никак не могла встать. Между тем кто-то из сестёр довольно громко сказал:

– Он просто ужасен. В жизни мне не доставалось такого сложного пациента!

И Хэтти показалось, что она узнала голос.

– Тише, сестра, – сказала другая утешительница. – Ты же знаешь: так нельзя. Не обсуждай...

– Да плевать! После него мне самой нужен исцелитель... И утешитель тоже, – тут первая сестра засмеялась.

– Жаль, что утешать умеют лишь женщины, да, Малин? – спросила третья сестра. – Но ты можешь обратиться за этим ко мне, уж я-то...

Малин! Хэтти передумала встать, только подышала на застывшие пальцы и прильнула к деревянной части дверцы. Неужели она говорит с подружками о Конуэе?

– Нет, мне бы подошёл и он, если б он не был таким... Даже слов не подобрать! Казалось бы: мужчина сильный, хоть и нестабильный, крепкий – ой, и потрогать есть чего, будем честны! Да только я к нему и так, и сяк – нет, не расшевелить. Как мне работать с эмоциями, если их нет? Не выколупаешь его из этой скорлупы, сколько ни старайся!

– Может, Главная сестра Финн и брат Родорт его неправильно диагностировали? – уже серьёзнее спросила вторая сестра.

– Да брат Родорт вообще неспособен диагностировать. Бездарь, – фыркнула Малин.

Сестры ещё похихикали, самозабвенно сплетничая о других – не посмели только сказать гадости про Главную сестру, и пациентов больше не обсуждали. Затем они ушли, и Хэтти тихонько выбралась из своего укрытия.

После того, что она услышала, после всего, что узнала за последние дни, она поняла, что ей кое-что необходимо сделать. Прямо сейчас.

Не откладывая! Иначе испугается, или отложит на потом, или вообще уедет отсюда и не сумеет вернуться. А ей надо быть здесь – она это чувствовала. Развернувшись на каблучках, Хэтти почти бегом поспешила к Главной сестре Дома Исцеления.

– Хорошего дня, сестра Хэрриет, – сказала Глория Финн, не поднимая головы от книги, которую читала, сидя на приземистом диванчике у большого окна.

В этот пасмурный день в кабинете оказалось на удивление светло, хотя ни один светильник не был зажжён. Сияние шло отовсюду и ниоткуда, как будто сам воздух был пронизан солнечными лучами. Видя, как Хэтти заозиралась, Глория пояснила:

– Свет умиротворения. Когда достигаешь определенного уровня, всё словно начинает происходить само собой именно так, как тебе надо. В том числе это касается и освещения.

– Удивительно, сестра Глория, – чуть поклонившись, сказала Хэтти.

Тут и правда оказалось не только светло и тепло, но и спокойно.

– Ты хотела мне что-то сообщить?

– Да, сестра Глория. Согласно правилам, сестра Глория.

– Сядь, Хэтти, и перестань так волноваться, ты же едва дышишь, – сказала Главная сестра. – Что бы ни произошло, это не стоит такого всплеска. Учись контролировать...

– Сестра Глория, можно передать пациента мне?! Я понимаю, что сестра Малин... Но он сам просил, вы помните? Если пациент выбрал, то...

– Я знаю, Хэрриет. Но как быть с сестрой Малин?

Хэтти запнулась.

Легко было сейчас наябедничать на эту неприятную женщину с её слащавой улыбкой превосходства на красивом, уже чуть увядающем лице! Гадости вообще делать несложно и даже в какой-то мере приятно. Да и потом, как это по-человечески – желать владеть ситуацией, устранять соперниц, подниматься выше! Легко одержать победу, когда у тебя есть оружие против твоего недруга – правда, приз очень уж сомнительный.

И Хэтти, всего мгновение подумав, сказала:

– Вы правы, сестра Глория, нельзя лишать сестру Малин её заработка.

– Дело не только в заработке, сестра Хэрриет. Утешительница эмоционально настраивается на лад пациента, и это великий труд.

– Вы правы, сестра Глория.

Хэтти с тоской подумала, что ей ничего бы не стоило настроиться на лад Конуэя. Он сам к ней тянулся. Не к постели с нею, а к дружбе, не так ли? К человеческому участию и сочувствию. «Я не просил!» – с горечью сказал он вчера вечером.

Сестра Малин вряд ли сумела настроиться на Конуэя, иначе не хаяла бы его в открытую перед другими утешительницами, не жаловалась бы на него.

Сестра Глория смотрела на Хэтти долгим и спокойным взглядом, ожидая, видимо, что та что-нибудь скажет или просто уйдет.

Хэтти же могла только опустить голову и развернуться к двери, но уже открыв её, сказать:

– Если она не справится, сделайте меня его утешительницей, сестра Глория. Я прошу!

– Ты ведь скоро покинешь нас, – произнесла Главная сестра. – Как я могу доверить его тебе? Подумай сама: от него отказалась Нила... и если Малин тоже откажется, а ты примешь его и уйдешь, что будет с ним?

У Хэтти не было ответа, кроме как «я не уйду, пока он не станет здоров», но она так и не сумела выговорить это вслух. Разве что сестра Глория услышала эти эмоции, или увидела по спине и плечам девушки, что она действительно желает помочь Конуэю, или поняла всё исходя из многолетнего опыта. Во всяком случае, Главная сестра сказала:

– Я знаю, что Малин плохо справляется. Я поговорю с ней.

ГЛАВА 11.

Прошло три дня – быстро, словно и не было. Ударил первый заморозок, стали стремительно облетать ясени, липы и клены, порыжели даже те деревья, что до того дня держались зелёными. Бисеринки дождя, нанизанные на уже обнажившиеся ветки, замерзли, оттаяли, высохли и появились там снова. На третий день, когда прошёл дождь и выглянуло солнце, от нотариуса прибежал паренёк-посыльный и принёс аж два конверта. В одном Хэтти нашла приглашение на встречу относительно фамилии, а во втором письмо от дворецкого, служившего прежде Рэсми Рэдферну-Тэйту. Тоже, по сути приглашение, немногословное и, кажется, даже благожелательное. Приезжайте, ждём – и, кстати, в письме упоминалось, что в замке можно оставаться вплоть до рождения малыша. А там – как Хэтти захочет.

Не по себе – вот как можно было коротко охарактеризовать то, что чувствовала девушка, читая скупые строки. Почему так настойчиво напоминалось, что ей надо выйти замуж и родить ребенка? А зачем мужу брать фамилию Рэдферн? Совсем непонятно. Да и сама по себе грядущая поездка тяготила девушку. О деньгах и прочих благах наследства она, конечно, тоже задумалась: это ведь было очень большое наследство, да только и проблемы сулило немалые. Хэтти подумала, что она ведь никогда и представления не имела о том, как управляют поместьем! А тем более, целым островом. Иногда она мечтала разбогатеть – но, в основном, мечты её крутились вокруг маленького домика поближе к морю, паре абрикосовых деревьев и черешневом садике. Пожалуй, несколько цветущих розовых кустов и пышная живая изгородь из шиповника, а также пергола, украшенная плетью цветущей ипомеи или девичьего винограда тоже были бы лишними.

А целый замок казался чем-то запредельным и потому не очень нужным. О замке почему-то мечтала мама. А что, недурная мысль: получить все эти деньги, оставить замок отцу и матери, а самой уехать подальше. В условиях завещания не было сказано, что Хэтти обязана сидеть на острове Грэди. Ни словечка про это! Жить она, стало быть, сможет там, где захочется, то есть подальше от отца. Айрис будет приезжать к ней, чтобы отдохнуть от Валдроя, подлечиться телом и душой, а потом сама решит – что ей милее, жизнь в маленьком домике с дочкой или в огромном замке с мужем.

Думая так, Хэтти даже воспряла духом. Поскольку у неё так и не было нового пациента, а с помощью другим братьям и сёстрам девушка уже справилась, Главная сестра Глория отпустила её к нотариусу без лишних замечаний и вопросов. Хэтти все это время, конечно, ждала от неё заветных слов, но и сегодня Глория Финн промолчала.

Одевшись потеплее – конец сентября выдался сырым и холодным – девушка отправилась к нотариусу. Не в самом дурном настроении, но и не в лучшем. Видеть Марнию и Торна Линфойдов не хотелось. Кроме того, Хэтти опасалась, что отец уже поведал Торну о наследстве.

Она почти дошла до нотариальной конторы, когда возле массивной двери остановилась коляска с кожаным верхом, и оттуда вышли Торн и его мамаша. И хотя они прекрасно видели Хэтти, Марния всё же сказала громким и хрипловатым голосом:

- Её пока дождётся – простынешь на таком-то ветру!
- Отчего бы нам не зайти, маменька? – спросил Торн.
- Нет уж, пусть видит, что мы продрогли насквозь!

Продрогли? Это в коляске-то, закрывающей от ветра?! Хэтти нарочно замедлила шаг, жалея, что не пришла попозже, раз уж её бывшая родня так хотела замёрзнуть и простудиться! Но осталось всего каких-то несколько шагов. И только воспитание, данное матерью и школой, не позволило Хэтти волочить ноги, чтобы идти так медленно, как не ходила, верно, ни одна старушка в округе.

Приблизившись, девушка уловила от Марнии и Торна то, что обычно: неприязнь, отчуждение. Особого страха от них не исходило. Но и каких-то новых эмоций в них девушка не распознала.

То есть, выходит, отец ничего Торну не рассказал? Или Торн оказался более порядочным и, даже узнав о наследстве, решил не оставлять за собою никаких прав?

– А вот и она, – сказала Марния. – Заставляешь себя ждать! Впрочем, ничего хорошего мы от тебя и не ожидаем.

Торн вторил матери, и Хэтти сразу забыла о том, что она была готова признать за бывшим мужем какие-то нормальные чувства:

– Ты могла бы выйти заранее. Ну хорошо, я готов простить эту выходку. И ты ведь принесла украшения, Хэтти? Те, что мы с тобой вместе покупали у ювелира, помнишь?

Так и плеснуло затхлой жадностью – такой, которая не позволяет выкинуть старые тряпки, воняющие плесенью. И украшения... Хэтти пожалела, что и в самом деле забыла их. Швырнула бы Торну прямо в красивое равнодушное лицо!

– Не бойся, верну всё до бусинки и нитки, – сказала девушка как можно спокойнее.

Марния не снизошла ни до приветствия, ни до иных любезностей. Только сказала:

– Идёмте уже, я скоро умру от холода.

Нотариус ждал их в тёплом кабинете, предложил располагаться поудобнее и выдал заранее заготовленные гербовые бланки, которые следовало подписать всем сторонам.

– И у неё больше не будет претензий на нашу фамилию и наше имущество? – спросила Марния, указав подбородком на Хэтти.

– Главное, чтобы у вас не возникло, – ответил нотариус, – претензий в адрес Хэрриет Рэдферн.

Секретарь подписал гербовую бумагу и протянул Хэтти красивый лист с золотистым тиснением. Там значилось, что её отныне следует именовать Хэрриет Лиллан Рэдферн.

– Поздравляю, лээрта Рэдферн, – сказал нотариус.

Бывшая свекровь только фыркнула:

– Теперь-то уж она не будет позорить мою фамилию!

– В самом деле, – поддакнул Торн. – Наконец-то!

– С её-то грядущим наследством как бы вам не захотеть взять фамилию Рэдферн, – не удержался секретарь, который всё это время строил возмущённые гримасы на каждое замечание Марнии.

– Лукас! – с упреком сказал нотариус, но было уже поздно.

Марния и Торн Линфойды наостригли уши.

– Она получила наследство? – спросила Марния. – А, ну тогда всё понятно. Понятно, почему она так спокойно отказывается от материальных благ, нажитых с моим сыном! И что же, велико ли так называемое наследство?

– Не можем разглашать, – ответил нотариус, – не имеем права.

По лицу секретаря легко читались все его эмоции. Этот невысокий, невзрачный юноша готов был бороться за справедливость и очень хотел окоротить неприятную женщину. И он симпатизировал Хэтти. При этом девушка не почуяла ни жадности, ни зависти: паренек был искренен и честен. Какая редкость! Жаль, что Лукас, вернее всего, будет уволен за разглашение клиентской тайны.

– Молчите, – прошептала она секретарю. – Вас и так не пощадят.

– Разберемся, – услышав её, сказал нотариус и грозно посмотрел на Лукаса.

Хэтти не просто ощутила его недовольство, а сама начала испытывать то же самое. Это означало, что силы у неё на пределе.

– Прошу не карать его слишком сильно, – попросила Хэтти напоследок. – Знаете, ведь все могут оступиться. Ничего страшного не произошло: лээрта и лээрт Линфойд всё равно узнали бы о наследстве.

С этими словами девушка поспешила выйти, на ходу аккуратно укладывая в прихваченную с собой сумку новый документ. Теперь, конечно, следовало отнести родителям письмо от дворецкого с острова Грэди. И как некстати Торн увязался следом! Хорошо хоть, матушка его не потащила за ними.

– Я хочу пройтись, – заявил бывший муж. – Расскажешь мне про наследство?

Его тон был таким дружеским! А внутри, в его душе, кружили друг напротив друга, как хищные птицы, жадность и недоброе любопытство. Неприятное ощущение – идти рядом с человеком и знать, что он чувствует. Хэтти только дивилась, сколько она терпела Торна. Всё уговаривала себя, что люди не виноваты в том, что она их почти что кожей ощущает, знает их эмоции, буквально видит насквозь! А ведь нельзя круглосуточно быть хорошим и порядочным, испытывать только положительные эмоции и никогда ни о ком не думать плохо! Разве она сама думала обо всех одинаково хорошо? Вовсе нет!

Так считала Хэтти. Да и Торн поначалу был не так уж плох! Ухаживал с азартом, восхищался, проявлял пыл... Но потом его увлечение девушкой пошло на убыль. И всё меньше Хэтти замечала его добрых эмоций. Пропали трепет, нежность, страсть... а потом и всякое хорошее отношение к жене. И хотя она понимала, кто тому виной: Марния не скрываясь настраивала сына против «этой ведьмы», – терпеть такое становилось невозможным.

– Что ты всё дуешься, Хэтти? Я всего лишь провожу тебя до твоей больницы, ты передашь мне украшения. И больше я никогда тебя не потревожу, – сказал Торн, беря Хэтти за руку и сжимая крепче, чем надо.

Вернее, ей и вовсе этого не было надо.

– Мне больно, Торн. Убери руку, – не сумев освободиться, сказала Хэтти.

– Мне просто интересно, что ты скрываешь! Эй, ты идёшь не к своей больнице.

– Это не больница, а Дом Исцеления. Орден создал его для магов, а не для больных людей, – устало пояснила Хэтти.

– Ну да, я забыл – не больница, а бордель, – не удержался от гадости Торн. – Вот видишь, как ты меня раздражаешь? Зачем ты меня выводишь, нарочно, чтобы люди видели, что мы друг друга больше не любим?

– Людям плевать на нас, Торн. Отпусти мою руку, пока я не воспользовалась магией, как в прошлый раз.

Пальцы бывшего мужа тут же разжались.

– Ты идёшь к отцу. Зачем? – догадавшись по направлению, спросил Торн.

– Я иду к отцу, чтобы передать кое-какое известие. А вот ты к нему не идёшь.

– Да он почему-то в прошлый раз был не рад мне. Может, сегодня мы с ним извинимся друг перед другом – правда, не понимаю, за что! – и помиримся, – сказал Торн. – Тебе что, жаль, что я к нему иду?

– Иди туда когда-нибудь в другой раз, без меня, – резко ответила Хэтти.

И вдруг поняла, что Торн действительно огорчён.

– Жаль, – сказал он. – Надеялся всё же помириться с твоим отцом.

– Почему для тебя это важно? – спросила Хэтти.

– Потому что он стал для меня другом за столько-то лет, – пожал плечами бывший муж.

– Знаю, тебе легко обходиться без друзей. Но не все люди такие.

Это было обидно. Тем более, что друзей Хэтти отвалил именно Торн. Но теперь у неё появились друзья в Доме Исцеления – ещё одна причина, по которой уезжать оттуда совсем не хотелось. Но если об отсутствии в своей жизни друзей Хэтти жалела, а потерять новых боялась,

то бывшего мужа видеть не хотела ни при каких условиях. Ни в качестве друга, ни в каком другом!

О чем она и сказала – прямо, словно стреляя в упор. И Торн ушёл прочь, свесив голову. Хэтти не жалела о том, что он обиделся. В конце концов, она терпела от бывшего мужа куда больше обид.

ГЛАВА 12.

Отец взял письмо и без лишних слов унёс в кабинет. Хэтти и Айрис остались в небольшой гостиной наедине. Всё, почти как раньше: круглый стол, накрытый вышитой скатертью, пузатый чайник, источающий пар, вишнёвое варенье в изящных розетках.

– Мам, – сказала Хэтти, отпив немного чая, чтобы согреться после стылой улицы. – Ты ничего не хочешь сказать?

Мать улыбнулась и села на стул, сложив руки на коленях.

– Валдрой немного чудит, – сказала она.

– Да я не о том... Мам, ты ведь не практикуешь? Я никогда не слышала, чтобы ты занималась магией.

– Да что ты, я и не умею. У меня дар – словно булавочная головка, крошечный, дешёвый. Что мне с него? Вот разве что тебя в детстве утешала. Или, к примеру, ученицы, если чересчур уж резвые, успокаиваю порой. А так-то?

– А что тогда с отцом?

– Чудит, – повторила Айрис.

И вроде бы была честна – Хэтти почуяла бы ложь – но как будто не до конца.

– Но ты рада, что мы едем в этот замок? Точно рада? – спросила Хэтти. – Тебе ведь хотелось.

– Мне очень хочется там побывать, – ответила мама. – И, знаешь, раз уж ты так не хочешь Торна – давай, быть может, поищем тебе кого-нибудь прямо там? На острове Грэди? Я тут подумала: может, какой-нибудь управляющий, они ведь достаточно умные, деловитые, всё там знают...

– Мама, – сказала Хэтти. – Я так не могу. Разве ты не любила отца, когда выходила за него?

Айрис склонила голову, свела плечи, словно зябла.

– Я уже не помню, – сказала тихо. – Не помню. Чувства о чувства могут стереться... как старые зубы.

Хэтти взяла мать за руку и очень осторожно попыталась вчувствоваться в её эмоции. Ничего не нарушая, не задевая, чтоб не спугнуть – и сама опасаясь, что отыщет что-то непонятное, неправильное или непоправимое.

Нет, ничего в Айрис не стерлось и не разрушилось. Просто все её чувства были притушены и горели еле-еле, как тлеющие угли. Все чаяния и разочарования, любовь и надежда. Там и сям вспыхивали призрачные огоньки – воспоминания, переживаемые одновременно, разом, отбрасывающие мать назад. Родорт говорил, что над мамой поработали какие-то маги. Если это и так, их чары со временем выветрились.

– Я могу заглянуть в твою память, – с удивлением сказала Хэтти. – Ты ничего не прячешь, всё на виду.

– Чтобы не забыть, – призналась мама.

– Ты хочешь мести, – сказала Хэтти.

– Не мести, нет. Просто хочу, чтобы он наконец уgomонился. Я так устала от вечной с ним борьбы! Он чудовище, выращенное для жертвы ещё большему чудовищу.

От удивления Хэтти едва не потеряла ментальную связь с мамой.

– Ты ведь расскажешь? Я не хочу копаться в памяти даже с твоего разрешения.

– Я не могу. Боюсь. Если за все эти годы мне не удалось одолеть чудовище – смогу ли я теперь?

Хэтти сжала уже обе руки Айрис, изо всех сил стиснула, делясь с нею силой и мужеством.

– Ты сказала, что вместе мы справимся.

– Его нельзя изменить – только сделать чуточку лучше, самую чуточку.

– По-моему, даже чуточки будет достаточно, – сказала Хэтти, продолжая вливать в мать энергию, так ей необходимую.

Как жаль, что она покинула мать, оставила одну сражаться... Но разве она знала? Ни разу за всю жизнь Хэтти не замечала этого тайного поединка между отцом и матерью – видела и чувствовала лишь то, что было на поверхности.

– Почему я раньше не знала?

– Потому что я умела скрывать. Но теперь у меня не осталось никаких сил. Что-то иссякло. Или высохло. Что-то изменилось, вышли все сроки – и я чувствую себя... опустошенно.

– Ты врала мне всю жизнь? Для чего?! Почему ты не бросила отца, если считала его чудовищем? Даже не так, мама, почему ты вообще за него вышла?

– Я не могу тебе сказать, – очень мягко ответила мама. – Правда. Пока – не могу.

– А... Зачем тебе в замок? На самом деле? Не за деньгами же и не потому, что тебе хочется там жить?

– Васког Рэми Рэдферн-Тэйт – маг. Некромант. Это всё, что я знаю. Надеюсь найти там... немало интересного, – сказала Айрис. – Книги, артефакты... в основном.

Она стала мямлить, опять что-то недоговаривать, а затем и вовсе закрылась. Снова, как улитка, втянулась в раковинку, и поди выковырай оттуда без вреда для слабого тельца!

– Но некромантская магия под запретом, – задумчиво сказала Хэтти.

– Для некоторых, кто наделен властью, ничего не изменилось за последние триста лет, – откликнулась мать.

– О чем судачите? – бодро спросил отец, появляясь в гостиной.

Айрис едва заметно вздрогнула, а Хэтти повернулась к Валдрой. Тот стоял в дверях, складывая письмо с острова Грэди.

– Я хочу кое-что... вам обоим сказать. Перед тем, как мы поедем, – произнесла Хэтти.

– Что же, Хэрриет? Кстати, когда мы собираемся? – спросила мама.

– В письме сказано, что уже завтра утром за нами приедет экипаж. Сейчас он, видимо, в пути. Так вот, отец, мама. Я готова поехать в замок. Готова осмотреть его. Если я найду свою, – тут Хэтти слегка запнулась, – свою судьбу, я готова сблизиться с кем-то достаточно, чтобы выйти замуж в условленный срок, хотя это для меня очень сложно. Я получу это наследство... Но есть условия.

– Вот как! Ты ещё не васкога, но уже хочешь диктовать свои правила? – отец приподнял брови и снова стал похож на старую потрёпанную ондатру.

– Я не помню, чтобы в условиях было что-то про титул, – насторожилась Хэтти.

– Титул официально будет присвоен твоему мужу после рождения вами ребенка, – кисло сказал Валдрой.

Хэтти напряглась ещё больше. Она всё ещё опасалась, что отец будет настаивать на кандидатуре Торна. Он же отчего-то так любит бывшего зятя!

– Условия всё-таки будут, отец, – сказала девушка. – И, если они для тебя окажутся невыполнимы – что ж, я откажусь от всего.

– Говори.

– Я не оставлю Дом Исцеления до тех пор, пока сама не решу, что пора оттуда уйти, – сказала Хэтти. – Ни муж, ни ребенок, ни замок, ни остров – ничто и никто не убедит меня покинуть Дом, если я не захочу его покидать. Буду отпрашиваться на остров, посещать его. Но постоянно жить буду только в Доме Исцеления.

– Так ты, может, и дитя хочешь родить в борделе? – взвился отец, но мать сказала:

– Подожди, Валдрой. И не ругайся. Ты сам там был и видел, что никакой там не бордель.

– Верно, мам. Там исцеляют магов. И я маг – так что хочу приносить пользу тем, кому она нужна. Второе условие: вы зовёте меня или Хэрриет, или дочь, или никак. Я больше не хочу слышать, что я шлюха, подстилка, неблагодарная собака и так далее.

– Да ты такая и есть – с...

– Отец, ты меня не понял. Если ты будешь меня называть любыми словами помимо оговоренных – никто из нас не получит ни монетки, ни клочка земли от этого наследства. Пусть поверенные васкога ищут более дальних родственников или отдают всё бедным. Теперь третье условие. Окончательно вступив в права наследования, я не останусь жить в замке. Можете пользоваться им, тратить деньги, сколько захотите, можете хоть крапивой весь остров засадить – мне всё равно. Я со своей семьей там жить не собираюсь.

– Это мы ещё поглядим, вдруг и соберешься, – через силу улыбнулся отец.

– И последнее условие – я хочу точно знать, что происходит, – процедила Хэтти.

– Я тоже очень хочу знать, Хэрриет, – сказал Валдрой. – Посмотри на меня. Почувствуй, что чувствую я.

– От тебя идет страх. И этот страх блокирует твой разум, – ответила Хэтти, пожалевшая, что она никогда не была сильным диагностом, в отличие от брата Родорта. – Я хочу знать, чего ты боишься. Это связано с тёмной магией замка? С тем, что васког Рэсми был некромантом?

– Дядя Рэсми, – отец устало вздохнул. – Отец его побаивался. И говорил, что мой двоюродный брат умер из-за этой тёмной магии. Ну вот и я... Могу лишь заверить тебя, гхм, Хэрриет – тебе и твоему будущему ребенку ничего не угрожает.

– Я всё меньше хочу туда ехать, – призналась Хэтти.

– Быть может, на месте всё не так страшно, – неуверенно сказала мама. – Но я чувствую, что наш путь лежит к острову. Прошу тебя, Хэрриет, не отказывайся от своего решения. Мы сделаем всё, что в наших силах, чтобы ты поехала.

И Хэтти сдалась. Не так-то это легко: противостоять родителям, когда они убеждают и упрощают. К тому же снова посетила мысль: наследство – это деньги, а деньги – это независимость. Вот бы получить столько, чтобы как можно реже видеть отца!

– Хорошо, – сказала она. – Завтра мы всё узнаем. Но обещайте мне: если я почувую опасность, мы уедем.

– Ты наследница этого замка. Тебе и нам, твоим родителям, там ничего не грозит, – заверил отец.

Он, кажется, всё-таки был в этом уверен. И изо всех сил старался передать ощущение уверенности и Хэтти, и Айрис. Хрупкое перемирие было достигнуто. На большем пока сложно было настаивать. Быть может, она попросту накручивала себя?

Но Хэтти снова и снова вспоминала слова матери о чудовище по пути в Дом Исцеления. И не могла успокоиться.

ГЛАВА 13.

– Атакуй. Бей.

Услышав тихий голос в почти абсолютной темноте, Хэтти в испуге вскочила и беспорядочно замахала руками и ногами. Что? Где? Она не ожидала, что в её комнате кто-то будет, да ещё ночью! Заперла дверь и заснула так крепко, что, казалось, и пушкой не поднять.

Однако два слова, негромкий голос – и Хэтти заполошно заметалась, не понимая, откуда ждать удара и кого, зачем, а главное – как! – бить. Паника заполнила её целиком, не давая опомниться и собраться.

Бить? Кого бить? Зачем бить? И как при этом ещё и защищаться, а главное, от кого? Ох, нет-нет-нет, всё-таки надо было уходить из Дома Исцеления, а не упрямиться, как ослица...

– Не мечись. Бей.

Она и дышала-то с трудом, но после второй реплики почувствовала его – мужчину, совсем близко, только руку стоило протянуть. Голос она узнала. Легче от этого не стало.

Сделала два шага назад, чтобы оказаться спиной к стене, выставила вперед руки. Нет, она не собиралась слушаться того, кто отдавал приказы – ей хотелось выставить наглеца вон из своей спальни. Но голос оказался настойчив. Сердце колотилось так, что груди было больно, и Конуэй пугал... Но отчего-то Хэтти понимала: он страшный, однако не для неё. Ей он не враг.

– Собери энергию в комок. Толкай от себя. Бей.

В голосе Гленнара прозвучало с трудом сдерживаемое нетерпение. Эмоции и интонации совпадали полностью.

– Лээрт Конуэй! Почему вы здесь? Это... так нельзя.

– Я здесь, потому что ты в беде. А Малин – глупая женщина.

Со вторым очень хотелось согласиться, но Хэтти всё же сказала:

– Нехорошо так про утешительниц.

– Она умеет утешать в кровати, – сказал Конуэй доверительно. – Я сказал: бей.

– Лээрт Конуэй, вам надо вернуться в свою спальню, – от слов про кровать Хэтти вдруг дрогнула.

Неприятно они прозвучали. Как будто Конуэй стал чуточку грязнее, что ли. В нём словно моментально поубавилось загадки и благородства.

– Она утешает телом. А у тебя сильный дух. Собери силу. Ударь. Или ударю я.

Хэтти стиснула зубы. Она действительно собрала силу в воображаемый кулак, но её магический удар коснулся не тела, а души и сердца. Наверно, это было жестоко: представить себе врага ослабевшим и беспомощным и воткнуть этот образ прямо ему под сердце, как нож.

Пусть Конуэй поймет, как он бессилен. Болен, безумен и слаб!

Он дрогнул, но не отступил.

– Зажги свет, – сказал отрывисто. – Я хочу увидеть твоё лицо.

– Я не одета.

– Это не имеет значения. Я командир, ты солдат. Не мужчина и женщина – командир и солдат. Твой удар прошёл мимо. Я научу. Но мне надо – глаза в глаза.

Хэтти уже достаточно привыкла к темноте, чтобы найти и стол, и спички – чиркнула, зажгла лампу Тийвана. Синеватое газовое пламя осветило осунувшееся лицо с горящими глазами. Конуэй был страшен, казался огромным, очень сильным и опасным. Но лишь внешне. Его эмоции – собранность, сдержанность, сосредоточенность – понравились Хэтти. В них было что-то чистое и честное. То, что располагало к доверию.

– И всё-таки вам бы вернуться в свою спальню, – сказала девушка.

– Позже, – терпеливо ответил Конуэй. – Тебе грозит беда, а ты не умеешь сражаться со злом. Смотри. Вот тёмная магия.

Он протянул к ней руку, показал раскрытую ладонь. В ней медленно расцвело пламя. Не рыжее, как от костра, не синеватое, как от газового рожка, а кроваво-красное.

– Это скверная энергия. Твоя будет не чёрной. Скорее золото или белизна, – сказал больной. – Но и ею можно ранить. Только... не пытайся сделать больно таким способом, как сейчас. Так уже не больно. Я сгорел на войне. Я убит под пытками. Я ушёл во Тьму и вышел из неё.

– Лээрт Конуэй...

Он чуть дёрнул ртом.

– Капитан Конуэй, – поправил девушку.

– Гленнар, – мягко сказала Хэтти. – Послушайте. Вы не на войне. Нет никакой войны.

– Она здесь, – он коснулся головы, – и её уже не вынуть оттуда. Подожди. Не бойся. Коснись.

Хэтти, не отрывая взгляда от его пылающих глаз, осторожно протянула руку. Пламя на ладони Конуэя лизнуло пальцы девушки, не обжигая их, и погасло.

– Чтобы сделать больно, ты должна знать, кто перед тобой. Одних ранит одно, других другое. Сестру Малин ранит страх старости и смерти. Сестру Глорию – беспомощность перед неизбежным. Тебя – страх одиночества и бесполезности.

– Вовсе нет, – сказала Хэтти. – Я вообще ничего не боюсь, меня просто так не ранить. Вы просто не знаете, сколько я пережила!

– Ты уязвима. Чтобы защититься, мало безразличия, мало иммунитета к боли.

– Нужен щит? Толстое стекло? – вспомнив советы бывшей сестры-утешительницы, встреченной в аптеке, спросила Хэтти.

– Стекло разлетится в крошево, – Конуэй сжал кулаки, – и ранит не только врага, но и тебя. Щит – отражение. Заставь силу врага ударить в него же. Зеркало. Но сначала я хочу видеть твой удар. Бей. Прошу, бей – это важно.

Он, кажется, был многословен, как никогда. Во всяком случае, Хэтти никогда не слышала от него столько слов сразу.

– Я утешительница, я никогда не должна никого бить, – сказала она.

Но это ведь была неправда! Она ударила Торна недавно, посреди улицы, ударила и ощутила азарт, радость оттого, что дала отпор.

Конуэй взял девушку за запястья, рывком привлек к себе. Он был такой горячий, словно в самом настоящем жару.

– А если так? Так ты тоже не будешь сопротивляться? Ты сказала: не хочешь меня. Ну и что? Я могу взять сам. Если захочу.

У Хэтти ёкнуло в груди. Тело обдало жаром – но вот в голове всё стало ледяным и прозрачным. Она больше не раздумывала. Надо вырваться и врезать. Удар: мысленный, прямо в размытые точки зрачков. Откуда ей знать, от чего именно будет больно Конуэю? Она и не знала. Просто ворвалась в его душу чёрным, выжженным дотла видением. Пепелище – и больше ничего, только чувство беспомощности. Угли уже подёрнулись серым пеплом, небо непроглядно от дыма, в легких седая пыль вместо воздуха. И словно набат: «Поздно!»

Конуэй задохнулся, отпустил Хэтти, пошатнулся – если бы она не подхватила его, то, скорее всего, он бы упал. Но тут же, не разгибаясь и, кажется, даже не вдыхая, ударил сам. Уже знакомое темно-красное пламя, которое сам пациент называл «чёрным», пробило бы насквозь хрупкое тело Хэтти, если бы Конуэй не выдохнул одновременно с огнём, летящим из его пальцев:

– Защищайся.

Хэтти едва не опоздала выставить щит: выдуманное, но почему-то увесистое и плотное стекло. Толстое: почти в два пальца толщиной. Увидела пламя, распластавшееся по зыбкой поверхности, сетку трещин, веер почти несуществующих осколков. Зажмурилась, но тут же распахнула глаза, услышав тихий хриплый голос, низкий, едва слышный:

– Не останавливайся. Бей. Защищайся. Бей.

На этот раз Хэтти ударила его по лицу, наотмашь, с резким яростным вскриком:

– Хватит! Очнись!

И он, вздрогнув, замер, а затем часто и мелко задышал.

– Ты... солдат...

– Я Хэтти, сестра-утешительница.

В её крови тёк жидкий огонь, мешал дышать, требовал выхода наружу в яростной битве. У них появилось одно чувство на двоих – всего одно, зато прожигающее до костей. Хэтти понимала, что произошло: они настроились друг на друга. Она полностью разделила его эмоции. Теперь надо было стать сильнее, чем он, и успокоить это море пламени. Сейчас девушке казалось, что она сама как то стекло, по которому растекается огонь. И что она вот-вот пойдёт трещинами от накала.

– Я Хэтти, – повторила она, задыхаясь. – Идите сюда, Гленнар. Вы не командир, а я не солдат. Мы... мы живём в мирное время.

И сама, первая обняла его. Ему была нужна хрупкость, нежность – в нём жила потребность защищать и оберегать, так пусть получит.

– Я соврал, – признался Конуэй, остывая эмоционально, но всё ещё очень горячий физически.

– Что?

– Я не спал с Малин. Она хотела. Но мне не нужна такая. Она хорошая женщина – но она не моя женщина.

– Я знаю, – сказала Хэтти, хотя и не считала Малин такой уж хорошей. – Отпустите меня, Гленнар, и сядьте, прошу. Я скажу вам... тебе... Скажу кое-что.

Он опустился на колени возле кровати девушки, а она села, закутавшись в одеяло. Без огня в крови стало холодно и пусто.

– Я буду твоей сестрой-утешительницей. И даже твоим солдатом. Но не сегодня и не сейчас. Мне надо уехать ненадолго по важному делу. Обещай мне, прошу...

– Я командир. Ты солдат, – терпеливо пояснил Гленнар. – Как мне тебе обещать?

– Да, пока тебя не исцелят – ты командир, но ты же и пациент, – очень осторожно Хэтти коснулась воспалённого сознания.

Тёмный огонь пожирал его. Там, внутри себя, Конуэй действительно был на войне. Сейчас, когда им не мешал пыл тренировочной схватки, она сумела понять эту странную боль. Что-то случилось – и вокруг Конуэя всё горело, взрывалось, там убивали и умирали. Это было странно и страшно, тем более по сравнению с полнейшим миром вокруг.

– Вам тут помогут, командир, – она снова перешла на прежнюю дистанцию, и Конуэй вроде бы даже не заметил этого. – Вас исцелят, как только вы перестанете так гореть, а для этого и нужна утешительница.

– Но не Малин. Она плохой солдат.

Хэтти осторожно погладила Гленнара по руке, беспокойно лежавшей на его бедре. Он дрогнул. И в ответ очень бережно дотронулся до колена Хэтти – совсем легко, словно проверял, здесь ли она.

– Мне надо уехать. Пожалуйста, дайте мне разобраться со своей жизнью, капитан Конуэй, и я вернусь. А вы за это время... не ломайте ничего. Побудьте с сестрой Малин... и с остальными тут... Может даже, с Нилой.

– Нила слабая. Не солдат.

Хэтти вздохнула и снова перешла на ты – ей показалось, что это находит больший отклик в истерзанной душе.

– Если ты не будешь относительно спокоен – не буду спокойна и я. А мне надо бы немного разобраться с делами. К сожалению, их некому больше решить.

Она подумала, что всё равно не сумеет разрешить эти дела за какие-то пару дней, но хотя бы увидит воочию и остров Грэди, и замок. И, быть может, придёт хоть к какому-то решению.

– Хорошо, – сказал вдруг Конуэй. – Я понял. Подай рапорт на три дня отгула.

Хэтти слегка закашлялась. Но тут же сообразила!

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.